

Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры¹

Каждое новое поколение библиотечных работников имеет дело с результатами труда своих предшественников: материальными (книжные фонды, справочный аппарат) и духовными (методы и приемы организации труда, общения с читателями). Повседневная жизнь постоянно заставляет обращаться к итогам деятельности прежних поколений. Отсюда осознаваемая преемственность своего дела, продолжение трудов тех, кто работал в библиотеке ранее, существовавший всегда интерес к жизни и библиотечной биографии людей, которые создавали и развивали Публичную библиотеку. Усилившийся в последние годы в обществе интерес к своей истории еще более активизировал желание глубже и полнее осознать исторический путь нашей библиотеки. Во многом способствует этому и 200-летний юбилей основания Императорской Публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки), оцененный как событие в культуре всей страны. Свидетельством служит принятие Правительством Российской Федерации 3 мая 1994 г. специального постановления «О 200-летию основания первой государственной общедоступной библиотеки России».

Истории Публичной библиотеки посвящены фундаментальные монографии «Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914» (СПб., 1914) и «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Л., 1963). Однако, при всей своей основательности, эти книги дают недостаточно сведений о жизни и деятельности сотрудников Библиотеки, а такая многочисленная их группа, как вольноотрующиеся, почти полностью выпала из поля зрения авторов указанных трудов. По разным, в том числе и идеологическим, причинам отсутствуют в исторических работах и имена тех ее сотрудников, которые оказались в эмиграции или подверглись репрессиям в недавнем

прошлом. Не случайно поэтому неоднократно высказывалась идея о подготовке специального биографического словаря, дополняющего имеющиеся работы и позволяющего «очеловечить» историю Библиотеки. Начало было положено еще в 1944 г., когда под руководством Е. Э. Гранстрем создали специальную комиссию, собиравшую материал об истории Библиотеки, в том числе и о ее сотрудниках. С 1984 г. начались первые практические действия в подготовке биографического свода: созданы некоторые методические документы, постепенно накапливался материал, собирались отдельные биографические сведения. Важным этапом можно считать подготовку и издание в 1987—1989 гг. трехтомного библиографического указателя «Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина», отразившего немало сведений о печатных материалах, посвященных разным аспектам деятельности Библиотеки, в том числе и о ее сотрудниках. В 1993 г. в связи с предстоящим 200-летним юбилеем Библиотеки работа по созданию свода биографий сотрудников заметно оживилась, Инициатива исходила от самих работников Библиотеки, которые изъявили желание принять участие в подготовке биографических справок интересующих их персонажей. Сложился авторский коллектив, включивший более 40 человек.

Подготовленный 1-й том биобиблиографического словаря «Императорская Публичная библиотека, 1795 — 1917 гг.» содержит биографические сведения о лицах, поступивших на службу в Библиотеку по 1917 г. включительно. В нем отражены прежде всего биографии сотрудников, служивших в Императорской Публичной библиотеке в дореволюционный период. Однако среди них было немало людей, которые перешагнули рубеж 1917 г. и продолжали трудиться в Библиотеке в последующие годы. Их деятельность также нашла отражение в 1-м томе «Словаря». Это в известной мере позволяет отойти от долголетних односторонних представлений о развитии Публичной библиотеки под влиянием, главным образом, социально-экономических факторов.

Персонификация истории Библиотеки дает возможность более разносторонне и глубоко понять пройденный ею путь, оценить ее особенности и по-иному взглянуть на современные ее проблемы. Среди сотрудников указанного периода, трудами которых создавалась и развивалась национальная библиотека России, немало видных представителей науки, культуры, литературы, государственных и общественных деятелей. Для некоторых из них работа в Публичной библиотеке представляла лишь эпизод, другие посвятили ей значительный период своей жизни; одни оставили заметный след в ее развитии, для иных библиотечная служба оказала влияние на научную, творческую биографию. Через их судьбы и деятельность конкретно воплощались взаимосвязи Библиотеки и общества, Библиотеки и культуры, духовной жизни вообще. Сотрудниками Публичной библиотеки в рассматриваемые годы были 30 настоящих и будущих академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук, 5 бывших и будущих российских министров, десятки ученых, профессоров, писателей, художников, религиозных и общественных деятелей, специалистов в области самого широкого спектра наук. На протяжении всего XIX и начала XX вв. Библиотека располагала самым крупным коллективом сотрудников среди библиотечных учреждений страны. Нуждается в беспристрастном осмыслении и тот феномен, что она создавалась, развивалась и успешно выполняла важные общественные функции, имея в своем составе лиц, как правило, не обладающих предварительным практическим опытом работы в библиотеках.

В XIX в. в ней трудилось немало иностранных подданных, получивших образование в других странах и вносивших элементы западной культуры, в том числе книжной и библиотечной, в работу Императорской Публичной библиотеки.

«Словарь» позволяет подробнее осветить жизнь и труды уже известных деятелей Библиотеки. Вместе с тем он возвращает многие забытые имена, а также вычеркнутые из ее истории, библиотечного дела и библиографии в целом. Это религиозные деятели, люди, эмигрировавшие из страны после

революции 1917 г., репрессированные сотрудники, лица, изгнанные из Библиотеки по идейно-политическим мотивам. Авторы и составители «Словаря» видели значение своей работы в воссоздании подлинных судеб всех тех, кто создавал и приумножал славу и гордость Публичной библиотеки, независимо от их политических, идеологических, религиозных и иных взглядов и позиций.

Работавшие в Публичной библиотеке сотрудники занимали разное служебное положение, которое определялось структурой и категориями персонала, характерными для различных периодов ее истории. Предварительная их характеристика позволит составить более конкретное представление о месте и роли каждого включенного в «Словарь» персонажа.

В первые 15 лет после основания Императорской Публичной библиотеки какие-либо определенные штат и номенклатура работников отсутствовали. Привезенные в 1795 г. из Варшавы книги, положенные в основание Библиотеки, были поручены Екатериной II ведению управляющего ее Кабинетом В. С. Попова. Вместе с чиновником Кабинета Е. А. Киршбаумом, на которого возлагалась непосредственная организация работ с фондами, Попов в 1796 г. начал подбирать сотрудников, способных, по его мнению, к выполнению этих задач. Ими стали как чиновники самого Кабинета, так и откомандированные из других ведомств. К 1797 г. было привлечено 13 таких чиновников. Им поручалась разборка, инвентаризация и организация книжных фондов. Они не занимали каких-либо библиотечных должностей и не носили звания библиотекарей, хотя в повседневной жизни и деловой переписке со временем именно так и назывались.

На первых порах состав работающих с фондами носил довольно случайный характер, но постепенно в нем выделялся более или менее постоянный круг сотрудников, усилиями которых и была выполнена многообразная работа по подготовке Библиотеки к открытию. При введении в 1810 г. постоянного штата Публичной библиотеки часть из чиновников Кабинета была уволена на пенсию (М. И. Антоновский, Ф. Ф. Енгельбах,

Х. Н. Рейнгардт, А. С. Струговщиков), а некоторые продолжали работу в ней на библиотечных должностях (Ф. И. Брейткопф, В. П. Двигубский, М. А. Семигиновский).

14 октября 1810 г. Александр I утвердил «Положение о управлении Имп. Публичной библиотекой»². Впервые этим актом установлен штат Библиотеки и введены библиотечные должности. Он включал, не считая сторожевой команды, 18 должностей, в том числе директора, помощника директора, 7 библиотекарей, 7 помощников библиотекаря, хранителя рукописей и его помощника. По штату предусматривались также средства на содержание писцов. Более подробно деятельность Библиотеки регламентировалась вторым, утвержденным императором 23 февраля 1812 г., уставным документом — «Начертаниями подробных правил для управления Имп. Публичную библиотекою»³. «Начертания» не вносили существенных изменений в численность и структуру штата и включали лишь дополнительно две должности штатных писцов. Предусматривалась возможность замещать по вольному найму должность архитектора (что и практиковалось с 1817 г.) за счет «экономических» сумм Библиотеки, а также предоставлялось право иметь письмоводителя и эконома из тех же средств, но с возложением этих обязанностей на кого-либо из штатных библиотекарей или помощников библиотекаря.

В таком виде штат Публичной библиотеки существовал в течение 20 лет. В полном составе он почти никогда не был укомплектован, что, главным образом, определялось проводившейся политикой экономии государственных расходов. Так, вместо 20 положенных по штату в 1826 г. в Библиотеке работало 14 штатных сотрудников, а в 1827 г.— 13. Считая, что Библиотека «уже приведена в положительный порядок и следственно механическая работа уменьшилась», министр народного просвещения настаивал на пересмотре штата с доведением числа должностей библиотекарей до 4. Соглашаясь на общее сокращение численности персонала, но с сохранением 8 должностей библиотекарей и одновременным повышением окладов, директор Публичной

библиотеки А. Н. Оленин представил в 1827 г. новый штат в количестве 14 должностей, который и действовал с этого времени, но без повышения окладов⁴.

10 сентября 1831 г. Николай I утвердил новые штаты Публичной библиотеки⁵. Оклады служащим были увеличены, поскольку количество штатных должностей по сравнению с 1812 г. уменьшилось до 16, но без изменения общих расходов на содержание личного состава. Сама структура штата также претерпела изменения. Помимо директора и его помощника, в Библиотеке полагалось иметь 7 библиотекарей, 4 подбиблиотекаря и 3 писца. Предусматривались также должности архитектора и врача, содержащихся за счет средств Библиотеки и замещавшихся из лиц, принятых по вольному найму, т. е. не состоящих на государственной службе. Такое положение сохранялось до 1917 г. с тем, однако, изменением, что впоследствии штатом предусматривались определенные средства на их содержание. Что касается писцов (впоследствии замененных должностью канцелярского служителя или канцелярского чиновника), то их должность не рассматривалась как чисто техническая. Зачисление на нее зачастую сразу сопровождалось определением для работы в конкретное отделение библиотеки. Уже в «Начертаниях» 1812 г. устанавливалось, что писцы «употребляются главнейше для переписки каталогов», и предусматривалось, что «с учетом их прилежания и усердия» они могут быть представлены к присвоению классного чина, а также «по мере знания и способности, могут заступать место помощника библиотекаря» (ст. 58, 59). Такой взгляд на функции писцов подтверждался и текущей практикой. Писцами и канцелярскими чиновниками, определенными на конкретные участки библиотечной работы, начинали свою службу в Публичной библиотеке А. И. Ермолаев, будущий академик В. И. Ламанский, В. И. Межов, П. Н. Петров, В. И. Соболевский и другие видные сотрудники.

Утвержденный в 1831 г. штат сотрудников явно не соответствовал росту фондов, числу читателей, книговыдаче, тем огромным объемам работ, прежде всего каталогизационных, которые стояли перед Библиотекой. Ее директор

Д. П. Бутурлин неоднократно возбуждал ходатайства об увеличении численности работников, однако до 1850 г. штат оставался неизменным. Пришедший ему на смену в 1849 г. М. А. Корф пошел иным путем. По вступлении в должность директора он не настаивал на общем пересмотре штата, а подчеркивал в своих представлениях в министерство, что «число чиновников, по действующему ныне штату положенное, ... совершенно достаточно для удовлетворения истинной надобности»⁶. В то же время он ставил перед начальством конкретные вопросы, решение которых требовало дополнительных штатов, и, действуя подобным образом, многого добился. По его ходатайству в 1850 г. для реализации намеченной еще в «Начертаниях» 1812 г. задачи публикации «замечательнейших ее рукописей» и других трудов в штат Публичной библиотеки была введена должность редактора ученых трудов «с содержанием и правами, библиотекарям оной присвоенными»⁷.

С 26 января 1851 г. изменена номенклатура должностей: библиотекари стали именоваться старшими библиотекарями, подбиблиотекари — младшими библиотекарями, писцы — чиновниками для письма (канцелярскими чиновниками). Одновременно директору предоставлялось право назначать жалованье в меньших размерах, чем установлено штатом, и зачислять за счет должностей старших библиотекарей младших⁸, чем достигалась экономия средств, направляемая на привлечение дополнительных работников по вольному найму. В том же году было разрешено за счет экономии средств иметь, в виде опыта, должность бухгалтера на положении вольнотруждающегося. Она просуществовала до 1865 г., когда сочли целесообразным возвратиться к прежней практике возложения этих обязанностей на кого-либо из библиотечных работников. Корфу удалось решить и острую проблему штатного обеспечения обслуживания читателей. До 1853 г. никакого штата работников, специально предназначенных для обслуживания посетителей в читальном зале, не было. Эти обязанности выполнялись библиотекарями отделений, по очереди дежурившими в зале. С конца 1851 г. Корф входит с представлениями о введении должностей «распорядителя по читальной зале» и

«дневальных». Решением императора 29 января 1853 г. были учреждены должности старшего дежурного (или заведующего дежурством, вскоре получившего название заведующего читальным залом) и 4 должности дежурных чиновников, один из которых исполнял обязанности сдатчика, осуществлявшего получение книг из отделений (основных фондов). Введена также должность регистратора, в функции которого входили прием всех новых поступлений, их регистрация, передача в отделения, ведение каталогов поступлений и заказов. Таким образом, к 1860 г. число штатных сотрудников достигло 24 человек, не считая содержавшихся по вольному найму архитектора, врача и бухгалтера.

Происшедшие в штате Публичной библиотеки изменения вместе с введением института вольнотруidящихся позволили существенно расширить ее возможности, приспособить работу к новым условиям и резко возрастающему потоку читателей и их запросов. Однако открытие нового читального зала, организация новых пунктов обслуживания (журнальной комнаты, кабинета для работы художников), создание и рост подсобной библиотеки читального зала, слабая обеспеченность штатными работниками отделений, что приводило к поручению заведования двумя отделениями одному библиотекарю (например, А. Ф. Бычков одновременно заведовал двумя крупнейшими отделениями — Русским и Рукописным), — эти и другие факторы развития уже вскоре вновь остро выдвинули штатные проблемы.

В начале 1860-х гг. была образована специальная комиссия под председательством А. Ф. Бычкова для разработки нового устава и штата Библиотеки. Подготовлено несколько вариантов этих документов, предполагавших существенные изменения в штате Библиотеки: упразднение должности редактора ученых работ, уменьшение числа должностей по читальному залу за счет увеличения количества дежурных — вольнотруidящихся, введение должности заведующего хозяйственной частью с поручением ему и заведования читальным залом и т. д. Выдвигалось предложение уравнивать штатных работников читального зала по их статусу и

жалованию с библиотечными работниками отделений и т. д. Однако ни устав, ни штат Библиотеки после нескольких лет обсуждений так и не были приняты.

В 1870 г. Александр II утвердил принятое Государственным советом «Временное расписание должностей 4 расходов по Имп. Публичной библиотеке»⁹, рассчитанное на действие в течение трех лет. В 1874 г. оно было принято без каких-либо изменений как постоянное¹⁰. По новому штату общее количество штатных работников даже сократилось за счет перевода содержания канцелярских чиновников на специальные средства, назначенные для этого по штату, и уменьшения числа сотрудников читального зала. Устанавливались 12 должностей библиотекаря, заведующий читальным залом, 2 его помощника, регистратор; вводилась должность заведующего хозяйственной частью. Должности младших библиотекарей или помощников библиотекаря штатом не предусматривались. Впервые штатом выделялась фиксированная сумма на наем дежурных читального зала из числа вольноотрующихся, позволявшая содержать 12—15 таких работников. Таким образом, численность штатных сотрудников Библиотеки вновь приблизилась к уровню 1812 г. и составляла 19 человек.

Этот штат действовал до 1895 г. Фактически Библиотека 40 лет, в период бурного ее роста во всех направлениях, функционировала с неизменным количеством штатных работников, и острота положения сглаживались лишь дальнейшим расширением практики привлечения вольноотрующихся. Но проблемы штатного обеспечения ее деятельности оставались.

В 1892 г. директором Библиотеки А. Ф. Бычковым была образована под председательством помощника директора Л. Н. Майкова комиссия для предварительного обсуждения желательных изменений в штатах. В связи с предстоящим завершением строительства нового корпуса Библиотеки (впоследствии получившего название Воротиловского), комиссия, однако, решила не касаться вопроса роста численности работников и ограничилась лишь обоснованием увеличения сумм, необходимых для покупки книг, переплета и т. п. Но администрация Библиотеки продолжала добиваться

расширения штата, доказывая, что 20-летний опыт работы по штатам 1874 г. «вполне показал недостаточность штатных служащих в Библиотеке и истекающий от того вред учреждению»¹¹. В результате 1 июня 1895 г. Николай II утвердил новый штат Публичной библиотеки, введившийся в действие с 1 января 1896 г. Согласно ему существенно увеличивалась численность штатного персонала — она составляла теперь 32 человека. Изменялась и его структура. Оставляя 12 ранее предусмотренных должностей библиотекаря, новый штат включал дополнительно 3 старших и 8 младших помощников библиотекаря и должность секретаря.

В последующие годы общего пересмотра штата Библиотеки не производилось, и до 1917 г. формально действовал штат 1895 г. Но за этот период несколько раз проекты нового штата подготавливались и рассматривались в правительственных и законодательных органах, и в результате Библиотека добивалась некоторого расширения штата. В 1911 г. увеличено число помощников библиотекаря, введены должности помощников заведующего хозяйственной частью и секретаря. К 1 января 1914 г. общий штат Библиотеки насчитывал 44 единицы, в том числе 12 библиотекарей, 9 старших помощников библиотекаря и 9 младших помощников, регистратор, помощник регистратора, заведующий читальным залом, 3 его помощника, 2 сдатчика, заведующий хозяйственной частью и его помощник, секретарь и его помощник.

Последний раз вопрос об изменении штата Публичной библиотеки рассматривался в 1916 — 1917 гг. Образованная под председательством помощника директора Э. Л. Радлова комиссия разработала проекты устава и штата Библиотеки, которые были тщательно рассмотрены Министерством народного просвещения, Комиссией по ученым учреждениям под председательством акад. В. И. Вернадского, в соответствующих комиссиях Государственной думы и в середине 1917 г. внесены министром на утверждение Временного правительства. Новый штат, который предполагалось ввести в действие с 1 ноября 1917 г., увеличивал число штатных сотрудников до 60 человек. Он вносил и некоторые структурные изменения. Устав и штат

утверждены 18 октября 1917 г., некоторые намечавшиеся ими меры были реализованы, начиная с 1918 г.

История Публичной библиотеки знала и сверхштатных библиотекарей, содержащихся за счет Государственного казначейства. Назначение их производилось в редчайших случаях, решением высочайшей власти. За все рассматриваемое время только 4 человека были назначены сверхштатными библиотекарями: с 1856 г. по 1864 г. в такой должности служил В. Е. Ген, переведенный затем в штат; в 1869—1871 гг. сверхштатным библиотекарем был скандально знаменитый доктор теологии Алоис Пихлер; в 1876 — 1877 гг. в этой должности состоял А. Я. Гаркави, работавший в Библиотеке с 1872 г. в качестве причисленного к Министерству, а впоследствии зачисленный в штат; вольноотрующийся проф. В. Д. Смирнов, возглавлявший Восточное отделение с 1879 г. в качестве сверхштатного библиотекаря, работал здесь до 1922 г.

Штаты Библиотеки утверждались без привязки к какому-либо ее структурному подразделению (исключая читальный зал). Но фактически они распределялись по отделениям. Сами эти отделения никогда не были четко зафиксированы в каком-либо нормативном акте, отсюда нечеткость и разноречивость как в их числе, так и в названиях. Отделенческая структура Библиотеки начала формироваться с начала ее существования, прежде всего как принцип организации книжных фондов. В «Положении» 1810 г. указывалось, что одно или несколько отделений состоят в управлении одного библиотекаря. «Начертания» 1812 г. уже называют некоторые из них (рукописей, печатных книг, эстампов). В последующих документах указывается различное число отделений (16 и более).

Впервые известный административный статус отделениям был придан приказом директора от 14 апреля 1850 г., закрепившим все отделения за каждым библиотекарем с установлением ответственности «как за сохранение вверенного ему отделения в целости и должном устройстве, так равно за быстроту и порядок библиографических в нем работ»¹². С этого времени отделения становятся основным элементом структуры Библиотеки, хотя в их

числе и названии продолжался еще разноряд, нередко отдельные коллекции и собрания именовались отделениями, а общее их число доводилось до 20 и более.

Отделения были организованы, главным образом, по отраслевому признаку (так был подразделен почти весь иностранный фонд), а также по признаку языка (Русское и Восточное отделения, где сосредоточивались издания независимо от отрасли знания). Выделялись отделения и по времени печати (Отделение инкунабулов), памятникам письменности (Отделение рукописей), по специальному признаку (Дублетов). В конце XIX — начале XX вв. структура Библиотеки включала 16 отделений, читальный зал, регистратуру, канцелярию и хозяйственную часть. В число отделений в этот период входили: русское или русских книг (в том числе и периодика), славянское (преимущественно, церковных книг, напечатанных глаголицей и кириллицей), «Россика» (называвшееся первоначально «отечественным»), инкунабулов, истории, юриспруденции (включая экономические и социальные науки), философии и педагогики, богословия, изящных искусств и технологии, естественное (включая математику и медицину), истории литературы и полиграфии, филологии и лингвистики, изящной словесности, восточное, рукописей, дублетов. Часто называвшиеся отделениями подразделения еврейских книг, картографии, запрещенных книг на русском языке (так называемое «секретное») являлись, по существу, лишь составными частями, подотделами соответствующих отделений: Восточного, Исторического, Рукописного.

Все штатные сотрудники Публичной библиотеки считались чиновниками, и их правовой статус определялся общими законами о государственной службе. Вместе с тем уже с первых уставных документов стали формироваться и специфические требования к библиотечным работникам, их обязанностям и правам. Сравнительно детально они были сформулированы в «Начертаниях» 1812 г. Право приема и увольнения предоставлялось директору, который, однако, обязан был о каждом случае

письменно докладывать министру, что означало, по существу, предоставление ему последнего решающего слова. Лишь «Дополнительными правилами» 1850 г. это требование было устранено. Согласно «Начертаниям», директор мог определять в должности библиотекаря и помощника библиотекаря «не только чиновников, но даже таких, кои не состоят в классах, наблюдая только, чтобы они были свободного состояния, имели нужные сведения по библиографии, знали иностранные языки, предпочтительно же греческий и латинский, а иные отчасти и восточные языки» (п. 20). В дальнейшем эти требования конкретизировались, изменяясь в соответствии с правилами государственной службы и развитием деятельности самой Библиотеки. Но требование к языковой подготовке всегда оставалось одним из важнейших. В 1843 г. министр согласился с предложением директора Д. П. Бутурлина о закреплении требования от желающих поступить библиотекарем знания русского, французского, немецкого, латинского, греческого (или вместо одного из них — восточного) языков, а от подбиблиотекарей — русского и трех иностранных¹³.

При приеме в Публичную библиотеку также неизменно обращалось внимание и на образовательную подготовку кандидатов на библиотечные должности. От них, как правило, требовалось высшее образование, «многосторонняя подготовка, специальные познания по разным отраслям науки», что в условиях слабой дифференциации библиотечной работы было немаловажным условием. В 1843 г. министр народного просвещения, с целью усилить требования к научной подготовке кандидатов, счел необходимым, чтобы «ищущие места библиотекарей имели какую-либо ученую степень, приобретенную в высших учебных заведениях»¹⁴. В процессе разработки проекта устава Библиотеки в начале 1860-х гг. А. Ф. Бычков представил специальную записку «О значении звания библиотекаря», в которой особенно жестко выдвигались требования к научной подготовке библиотекарей. Отмечая, что в Публичной библиотеке должность библиотекаря всегда занимали и занимают «академики, профессора и лица, своими трудами приобретшими известность в ученом мире», и рассматривая библиотекаря как проводника

просвещения в обществе, он считал, что библиотекарями «должны быть люди не только с высшим образованием, но и с глубокими специальными познаниями», что от них «требуется кроме знакомства с тою наукою, сочинения которой входят в состав отделения, подробное знание ее литературы, до самых последних по времени в ней явлений». «Иметь положительные сведения в библиотечной науке, знать древние языки и несколько новейших, историю политическую, и преимущественно историю литературы, а также обладать энциклопедическим образованием и иметь ясное представление о системе наук» — эти требования Бычков считал элементарными¹⁵. Ученый характер деятельности библиотекаря Публичной библиотеки подчеркивался и в представлении министра народного просвещения во Временное правительство в 1917 г. «Ввиду того, что деятельность служащих Публичной библиотеки в массе своей носит характер научной работы, в состав ее служебного персонала входят и должны входить лица, близко стоящие к науке»¹⁶.

С требованием достаточного научного статуса связан и неоднократно встававший вопрос о совмещении штатной службы в Библиотеке с одновременным нахождением на штатной должности в других учреждениях. С момента основания Библиотеки многие ее сотрудники одновременно являлись чиновниками различных ведомств и учреждений. Мотивируя недостаточностью жалования библиотекарей и связанными с этим трудностями «в приискании нужных для Библиотеки чиновников, которые имели бы потребные сведения в науках, языке и библиографии», А. Н. Оленин неоднократно обращался с ходатайствами о разрешении, в изъятие из общих правил государственной службы, зачислять библиотекарями «способных чиновников из служащих... в других местах, без потери получаемого ими из оных жалованья»¹⁷. Однако эти представления оставались без последствий. Сменивший его Д. П. Бутурлин был скорее сторонником запрещения совмещения, но при условии повышения жалованья библиотекарям. Только при этом он считал «возможным требовать от них, чтобы они не принимали на себя других должностей, кроме таких, которые не препятствовали бы им являться

ежедневно в Библиотеку в узаконенные для занятий часы»¹⁸. Практически каждый раз на совместительство испрашивалось персональное разрешение императора. И только 20 февраля 1850 г. «Дополнительными положениями о Имп. Публичной библиотеке и Румянцевском Музеуме» директору Библиотеки было предоставлено право определять на библиотечные и другие должности «и из числа занимающих должность в других ведомствах с сохранением оных, но тогда только, когда сии должности по роду своему не могут служить препятствием к своевременному и точному исполнению обязанностей по Библиотеке»¹⁹. Практика совмещения службы, особенно учебно-научной, имела достаточно широкое распространение. И администрация Библиотеки, и Министерство народного просвещения считали, что «благодаря допущению подобного совмещения создается весьма полезная для Библиотеки связь последней с другими учеными и учебными учреждениями, где служащие Библиотеки могут занимать штатные должности»²⁰.

В общей форме обязанности библиотечных работников определены уже в первых уставных актах. «Начертания» 1812 г. возлагали на библиотекарей и помощников библиотекаря ответственность за «целость книг» вверенных им отделений. Им поручалось «размещение» книг, составление каталогов по принятой в Библиотеке «библиографической системе, от которой без особенного от директора предписания никто из библиотекарей отступить не должен». Библиотекари обязаны были, каждый по своей части, «осведомляться, не вышло ли из печати... какого-нибудь сочинения, коих узаконенное число экземпляров в Библиотеку не доставлено», и письменно извещать об этом директора. «Одна из главных задач библиотекаря состоит в учтивом и ласковом принятии посетителей и в оказании им, без разбора лиц, всех возможных услуг в отыскании сочинений, нужных для их занятий». Для выдачи книг (поскольку до начала 1850-х гг. специальных работников для этого не было) устанавливались суточные дежурства по очереди, когда библиотекарь должен был «заниматься единственно приемом посетителей и наблюдением порядка в комнатах Библиотеки», (ст. 22 — 36).

В дальнейшем, по мере специализации процессов, разделения труда, появления новых штатных должностей все настоятельнее вставала задача более четкого и подробного установления должностных обязанностей. В декабре 1870 г. директором Публичной библиотеки были утверждены инструкции для библиотекарей, служащих читального зала, регистратора и сдатчика²¹. Инструкцией для библиотекаря на него возлагалось заведование отделением, ведение каталогов отделения (инвентарного, алфавитного и систематического), написание «четко и разборчиво» каталожных карточек, прием и размещение новых поступлений, выделение и передача дублетов в соответствующее отделение, просмотр библиографических и специальных журналов и книготорговых каталогов для выявления пробелов и ведения картотеки дезидерат, передача книг в переплет с определением вида переплета, ежегодная проверка фонда по инвентарю, выдача в читальный зал книг по заявкам читателей, их приемка и расстановка и т. д. Соединение такого множества функций в лице одного библиотекаря (по штату 1870 г. помощников библиотекаря не было) снижало эффективность труда специалистов высокой квалификации, каковыми, как правило, были библиотекари, и негативно сказывалось на проведении многих неотложных работ. Поэтому и возникли предложения о восстановлении должностей помощников библиотекаря и увеличении численности вольнотруidящихся, частично реализованные штатом 1895 г.

Обширные реформаторские планы М. А. Корфа с первых же шагов директорства столкнулись с нехваткой библиотечных работников. Уверая министерство в том, что Публичная библиотека не нуждается в сколько-нибудь существенном расширении штата, он предпринял шаг, сыгравший важную роль в дальнейшем развитии Библиотеки. 6 марта 1851 г. Корф обратился в министерство с просьбой разрешить нанимать для «составления каталогов» лиц, изъявивших желание «посвятить свободное от других занятий время на труды по Библиотеке», с вознаграждением их из сумм Библиотеки, «но без присвоения чрез сие каких-либо служебных прав и преимуществ». Уже 9 марта

последовало разрешение императора на предоставление директору права «употреблять посторонних ученых, под надзором библиотекарей» к составлению каталогов, «с установлением, по мере трудов каждого, вознаграждения из сумм Библиотеки, но без присвоения чрез сие каких-либо служебных прав или преимуществ и за умеренную плату»²². Речь шла о вполне определенной области использования подобных сотрудников — составлении каталогов. Но уже в утвержденных 23 марта Корфом «Правилах для вольноотрующихся лиц, допускаемых к занятиям в Имп. Публичной библиотеке» рамки эти несколько расширены — «преимущественно по составлению каталогов»²³. Это давало основание использовать вольноотрующихся и на других работах. Первоначально им поручались действительно преимущественно каталогизационные работы, и оплата определялась количеством подготовленных описаний и карточек для каталогов. Но реальные потребности заставляли возлагать на вольноотрующихся в отделениях, где работало, как правило, по одному штатному сотруднику, выполнение и других функций, а это, в свою очередь, привело и к изменению формы оплаты труда, к переходу от своеобразной сдельной оплаты к фиксированному месячному (а позднее и годовому) содержанию.

В первые годы существования института вольноотрующихся они использовались только в отделениях; читальный зал, впервые получивший в 1853 г. 5 штатных дежурных, обходился этими сотрудниками. Но по мере роста числа читателей, книговыдачи, фонда подсобной библиотеки при зале, расширения пунктов обслуживания потребность в дополнительных работниках усилилась, и со временем именно в читальном зале сосредоточилась большая часть вольноотрующихся при общем росте их числа. Если в 1851 г. в Библиотеке было 7, а в 1853 г. — 9 вольноотрующихся, и все они работали в отделениях, то в 1870-х гг. — уже 18—20, а в 1908 г. — 44 человека, из которых 25 числились в читальном зале (при четырех штатных его сотрудниках), а 19 — в отделениях и канцелярии. К 1916 г. общее число вольноотрующихся достигло 60 человек, превзойдя число штатных работников (44 человека).

Эти данные дают некоторое представление о той роли, которую сыграли вольнотруidящиеся сотрудники в истории Публичной библиотеки до 1917 г. Она не ограничивалась лишь чисто количественным показателем их удельного веса в общем составе работников. Эта категория служащих с самого начала была своего рода резервом пополнения кадров штатных работников. Когда в 1862 г. при разработке устава и штата было выдвинуто предложение эту категорию упразднить, оно встретило решительные возражения. Заведующий Юридическим отделением В. Э. Пфафф, сам вольнотруidящийся, считал подобную меру «ужасной ошибкой, равносильной тому, как если бы немецкие университеты отказались от приват-доцентов, являвшихся базой, из которой рекрутировалась профессура». «В звании вольнотруidящегося кандидат к библиотечарской должности,— писал он,— может показать, способен ли он к занятию такого места или нет»²⁴. Большинство штатных сотрудников, начиная с 1870-х гг., прошло предварительно службу в статусе вольнотруidящихся. Постепенно и администрация стала проводить этот принцип в жизнь. Когда, например, в 1894 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов, «принимая участие в судьбе» магистра Н. Д. Чечулина, обратился к директору с просьбой определить его на службу в Библиотеку, то А. Ф. Бычков согласился принять его в будущем на должность помощника библиотечаря «при том, впрочем, условии, чтобы Чечулин предварительно прослужил некоторое время вольнотруidящимся для ознакомления с библиографическими работами, которые будут возложены на помощника библиотечаря»²⁵. Вольнотруidящимися начинали свою службу в Библиотеке будущие помощники директора В. М. Андерсон, К. Ф. Феттерлейн, Ин. И. Яковкин, будущие акад. С. П. Обнорский и чл.-кор. АН Н. М. Каринский, почти 20 лет, до своего зачисления в штат, работал в качестве вольнотруidящегося литовский библиограф и этнограф С. О. Балтрамайтис. Среди не ставших штатными библиотечарями вольнотруidящихся немало известных имен: востоковед И. Н. Холмогоров, языковед, чл.-кор. АН СССР и академик АН ГССР А. Г. Шанидзе, историки Н. П. Барсов и Н. П. Барсуков, филолог П. Н. Тиханов,

искусствовед Н. П. Собко, писатели и поэты Ю. Н. Верховский, Ф. Ф. Парвов, философ, религиозный деятель Г. П. Федотов, библиограф В. Н. Козаков. Вольнотруidящиеся возглавляли некоторые отделения Библиотеки (К. И. Клевезаль, В. Э. Пфафф, Р. А. Фохт), а заведующий Восточным отделением, проработавший в Публичной библиотеке 50 лет, проф. В. Д. Смирнов, по существу, все это время был вольнотруidящимся. Этот далеко не полный перечень имен является одним из свидетельств уровня и вклада данной категории сотрудников в развитие Публичной библиотеки.

Но их роль могла быть гораздо более значимой, если бы не то неравноправное положение, в которое вольнотруidящиеся были поставлены. Они были лишены всех прав и преимуществ государственной службы, не могли представляться к награждению орденами и к классным чиnam, лишь в редких случаях по истечении 10 лет усердной и беспорочной службы выходцы из податных сословий (крестьян, мещан, купцов) могли получить звание почетного гражданина. Ограничения в отпусках, требования «умеренной платы» также ставили их в неравноправное положение со штатными служащими. В среднем оплата труда вольнотруidящихся составляла около трети содержания, получаемого штатными работниками. Все это приводило к частой сменяемости, низкому образовательному уровню значительной части вольнотруidящихся. Особенно характерно это было для читального зала. Сюда шли работать зачастую люди случайные, с образованием в объеме городского училища, выбывшие из гимназии, студенты, лица, оказавшиеся в затруднительном материальном положении, ищущие какого-то, пусть временного, заработка. Иным было положение в отделениях, поскольку сюда нередко стремились поступить кандидаты, имевшие в виду соединить службу со своими научно-литературными интересами, движимые этими интересами, что и предопределяло более высокий образовательный уровень служащих по вольному найму в отделениях. Проблема здесь заключалась в другом. По штатам Библиотеки выделялись средства только на содержание вольнотруidящихся в читальном зале, а в отделениях они могли привлекаться

лишь за счет экономии сумм, выделявшихся на личный состав, что заставляло, например, директоров А. Ф. Бычкова и Н. К. Шильдера на ставках библиотекарей держать помощников библиотекаря для увеличения общего числа работников. Только в 1910-х гг. удалось добиться изменения этого порядка.

Значение института вольнотруidящихся в истории Публичной библиотеки заключается еще и в том, что он послужил путем «проникновения» женщин в состав библиотечных работников. Государственная служба для них была закрыта, поэтому в числе штатных сотрудников женщин до 1917 г. не было. Но и в вольнотруidящиеся их путь был не простой; в позиции руководства Библиотеки в этом вопросе наблюдались колебания. Уже допустив прием женщин по вольному найму, администрация продолжала и в начале 1900-х гг. иногда отказывать претенденткам на место вольнотруidящихся на том основании, что «женщины на службу в Библиотеку не принимаются»²⁶. Первой женщиной, принятой на библиотечную службу, была Й. А. Старк, окончившая Высшие женские (Бестужевские) курсы и приступившая к работе в Библиотеке в 1882 г. Но лишь с начала 1900-х гг. начинается приток женщин в состав служащих Библиотеки исключительно на правах вольнотруidящихся в отделения, канцелярию и, наконец, в читальный зал. Только после Февральской революции некоторые из них были переведены на штатные должности. В представленный во Временное правительство проект нового штата было включено специальное примечание, гласившее, что «показанные в штате должности могут быть замещаемы лицами женского пола, получившими высшее образование, а на должности до 8 класса <т. е. младших помощников библиотекаря> — получившие образование не ниже среднего учебного заведения»²⁷. Всего до 1 января 1918 г. в Публичную библиотеку было зачислено более 30 женщин. Значительная часть продолжала многие годы работать в Библиотеке, вошла в состав ее ведущих сотрудников (П. Ф. Горбатенко, Л. А. Загорина, Е. А. Княжинская (Дернова),

З. С. Кухаренко, Е. А. Лаппа-Старженецкая, Л. И. Олавская, М. А. Садова, В. Н. Струлева, А. А. Челюсткина, В. П. Шмидт, В. К. Юденич).

Особую категорию сотрудников Публичной библиотеки в первой четверти XIX в. составляли почетные библиотекари. Ст. 21 «Начертаний» 1812 г. устанавливала: «Если кто пожелает досуги свои посвятить в пользу Библиотеки и разделять труды и обязанности чиновников оной, за исключением дежурства, которое возлагается на одних токмо действительных чиновников Библиотеки, то директору предоставляется право с доклада Министру народного просвещения таковых в сию службу принимать с званием почетного библиотекаря, без всякого однакоже от казны содержания и с тем, чтобы число оных отнюдь не превышало 6 или 7 человек». В числе этих 7 человек разрешалось определять двух художников, «способных к смотрению за эстампами», с установлением им платы за счет «остатков расходных сумм». Исключения были редки. В 1818 г. по разрешению императора специальная оплата в размере жалованья библиотекаря была установлена акад. Х. Д. Френу, а в 1829 г. — Н. Я. Бичурину (оплачивался проезд из Александро-Невской лавры в Библиотеку). Почетным библиотекарям предоставлялось преимущественное право на замещение вакантных должностей помощников библиотекаря с зачислением в штат. Они пользовались некоторыми правами государственной службы, правом ношения вицмундира, установленного для штатных библиотекарей, могли по ходатайствам Библиотеки возводиться в очередные чины. В 1817 г. число почетных библиотекарей было доведено до 14. Ходатайствуя об этом, А. Н. Оленин подчеркивал «полезность» такой меры, «ибо чем более Библиотека будет иметь почетных библиотекарей, тем лучший может начальство ее сделать из них выбор при замещении штатных вакансий и тем более может иметь помощников штатным чиновникам»²⁸.

За время существования института почетных библиотекарей на эту должность был определен 21 человек; последний — в 1840 г. К началу 1848 г. числилось лишь 6 почетных библиотекарей. Стало ясно, что дальнейшее существование института почетных библиотекарей неперспективно. Одна из

целей введения этой категории сотрудников — служить резервом штатным библиотекарям — практически не была достигнута: за все время лишь однажды почетный библиотекарь (М. Е. Лобанов) был переведен в штат помощником библиотекаря. Главная цель — при ограниченных штатах использовать время и знания почетных библиотекарей для расширения возможностей выполнения работ по Библиотеке — также не была реализована в полной мере. Некоторые из них (В. Г. Анастасевич, Д. Б. Аргутинский-Долгоруков, Н. Я. Бичурин, Г. И. Спасский, Х. Д. Френ и др.) выполнили определенную, иногда весьма обширную работу по описанию некоторых частей книжного и рукописного фонда, другие занимались составлением росписи дублетов (Г. Ф. Манген, А. Ф. Роспини), почти все участвовали в обсуждении вопросов библиографического описания и составления каталогов, высказав при этом немало полезных соображений. Однако в целом эффективность их использования была низкой. Известный упадок в деятельности Библиотеки к концу директорства А. Н. Оленина, их занятость по месту основной работы (Н. И. Греч, Х. Д. Френ), длительные командировки, а также выбытие из Петербурга (К. Н. Батюшков, М. Н. Загоскин, Д. Б. Аргутинский-Долгоруков, А. Ф. Спада, Г. И. Спасский, П. К. Фролов) — эти и другие факторы привели к тому, что институт почетных библиотекарей не оправдал возлагавшихся на него надежд. Тем не менее данная категория работников оставила положительный след в истории Библиотеки. Это были люди высокообразованные, известные своими учеными и литературными заслугами, представители разных сфер деятельности — писатели и поэты, художники, ученые, знатоки книг и рукописей, книготорговцы, лица духовного звания. Их пребывание в Библиотеке способствовало расширению и обогащению разнообразных ее связей с обществом.

В 1830-е гг. почетные библиотекари практически уже не принимали участия в деятельности Публичной библиотеки. Новый директор Д. П. Бутурлин сообщал, что «ни один из них никогда не занимается в Библиотеке», и потому, считая этот институт не только бесполезным, но и

вредным, неоднократно ставил вопрос о его ликвидации²⁹. Вопрос решился лишь при М. А. Корфе. Утвержденные императором 20 февраля 1850 г. «Дополнительные положения о Имп. Публичной Библиотеке и Румянцевском Музеуме» не содержали каких-либо упоминаний о почетных библиотекарях, но одновременно вводили звания почетного члена и почетного корреспондента Библиотеки уже на совершенно иных основаниях. Они не получали никакого вознаграждения, не пользовались по этому званию какими-либо правами государственной службы, не обязывались посвящать свои досуги и знания работе в Библиотеке. Это было, по существу, звание, а не должность и служба. Почетные члены избирались из числа «лиц, приобретших себе известность любовью к просвещению и Библиотеке», а почетные корреспонденты — из числа «известных библиотекарей и книгопродавцев, русских и иностранных, от коих можно ожидать полезного, трудами их, сношениями или пожертвованиями, содействия Библиотеке»³⁰. В практике их избрания, в действительности, происходило совмещение и переплетение указанных критериев и оснований. Почетные члены утверждались по представлению директора Библиотеки, министром императорского Двора, впоследствии — министром народного просвещения; почетные корреспонденты — директором Библиотеки. И тем, и другим вручались дипломы, в которых, как правило, указывалось, что «избрание в почетные члены Библиотеки не налагает никаких обязанностей на принявшего сие звание, кроме тех, которые внушены ему будут собственным его сочувствием к этому памятнику народной славы...»³¹. Почетные члены и корреспонденты имели право употреблять присвоенное им звание в своих подписях, вывесках и т. д. Те из них, кто особо отличился на поприще служения Библиотеке, например, сделавшие значительные пожертвования в ее пользу, представлялись к наградам. Список почетных членов и корреспондентов Публичной библиотеки приводится в прил. 2.

В последней четверти XIX — начале XX вв. известную роль в деятельности Библиотеки играла такая категория ее сотрудников, как «причисленные к Министерству народного просвещения и откомандированные

для занятий в ИПБ». Попытка узаконить категорию «причисленных» в составе служебного персонала Библиотеки предпринималась еще М. А. Корфом. 2 декабря 1854 г. он обратился к министру с просьбой исходатайствовать разрешение императора на предоставление ему права «причислять» к Библиотеке «молодых людей с независимым состоянием», желающих «усовершенствоваться в истории литературы и вообще в предметах библиографических» и одновременно выполнять текущую библиотечную работу, которая на них будет возложена. Предполагалось, что, не получая от Библиотеки жалованья, они будут пользоваться правом на производство в чины, т.е. «приравнены к государственным служащим...»³². Вопрос был доложен 28 декабря Николаю I, но его согласия не последовало.

Однако через четверть века в несколько ином виде это предложение воплотилось в жизнь. В 1860-х гг. при министерствах состояло значительное число «причисленных» лиц как из заслуженных чиновников, так и молодых людей, окончивших учебные заведения и готовившихся к государственной службе. Они считались в государственной службе, но содержания по этому своему положению не получали (лишь выпускникам Александровского лицея выплачивалось из Государственного казначейства небольшое пособие). Подобные причисленные состояли и при Министерстве народного просвещения. С конца 1870-х гг. некоторые из них по их желанию и с согласия директора начали откомандировываться «для занятий» в Публичную библиотеку, причем характер поручаемой им в Библиотеке работы определялся ее администрацией. Денежного вознаграждения от Библиотеки за ту работу не предполагалось, хотя некоторым из них устанавливалась плата как вольноотрующимся.

Первым, в июле 1872 г., был прикомандирован к Библиотеке А. Я. Гаркави. Всего же до 1917 г. таких сотрудников в ней числилось около 40. В целом они сыграли заметную роль в обеспечении ее потребностей в высококвалифицированных специалистах разных областей знания. Прикомандированные И. М. Болдаков, А. И. Браудо, А. Я. Гаркави, К. К. Губер,

А. Э. Нольде, Э. Л. Радлов, Д. В. Философов, А. А. Флоридов, В. А. Чудовский возглавили отделения Библиотеки, причем некоторые из них впоследствии переведены на штатные должности. Н. Р. Маак всю почти тридцатилетнюю службу в Библиотеке состоял в качестве причисленного к министерству, при этом с 1883 г. по 1896 г. не получал никакого вознаграждения. Но значительная часть причисленных служила в Библиотеке краткий период (С. М. Муратов, В. И. Срезневский, Д. А. Столыпин и др.), а некоторые, будучи по своему желанию откомандированы в Публичную библиотеку, практически в ее деятельности участия не принимали, хотя и состояли в этом звании продолжительное время (А. С. Васильковский, М. И. Шанявский). В редких случаях практиковалось причисление к министерству и вышедших на пенсию сотрудников самой Библиотеки, долгие годы прослуживших в ней; благодаря этому они числились при государственной службе и сохраняли связи с Библиотекой (Ф. А. Вальтер, И. И. Трескин).

Охарактеризованные категории сотрудников Публичной библиотеки определяют круг лиц, включаемых в настоящий «Словарь». Не представлен в нем вспомогательный, технический персонал (охрана, гардеробщики, служители, занятые переноской книг и др.), насчитывавший к концу охватываемого временного периода около 50 человек, за единственным исключением: А. А. Андреев, служивший швейцаром с 1891 г., художник-самоучка. Не включены также библиотекари Румянцевского музея (Н. А. Бертье, Б. А. Врасский, К. И. Кестнер, А. Н. Майков и др.), когда он был объединен с Публичной библиотекой и находился в подчинении ее директора и его помощника, за исключением И. Ф. Штукенберга, некоторое время одновременно работавшего в Библиотеке в качестве вольноотрудающегося. Не представлены также лица, хотя и принимавшие участие в работе Библиотеки, но не являвшиеся ее штатными сотрудниками или вольноотрудающимися, получавшие единовременное вознаграждение (Виктор Калиновский, студенты Александр Кухарский, Михаил Лещинский, Ксаверий Чистович и многие другие) или трудившиеся безвозмездно (книгопродавец Г. И. Овсянников,

работавший в Русском отделении, поручик Генерального штаба М. Н. Анненков, разобравший и каталогизировавший собрание карт и атласов, и др.). Не включены и лица, в течение многих лет за плату или безвозмездно выполнявшие специфические виды работ для Библиотеки. С 1856 г. литографские работы для Библиотеки выполнял, являясь одновременно до 1875 г. ее комиссионером, академик Академии художеств К. П. Беггров. Каллиграфические работы по заявкам Библиотеки производил известный каллиграф И. И. Полонский. Выполнение различных фотографических работ поручалось К. К. Булле, сделавшему более 1000 снимков, связанных с Библиотекой. По его просьбе в 1904 г. ему и его наследникам «даровано» было право именоваться «Фотографами Имп. Публичной библиотеки».

При подготовке персональных справок составители во многих случаях вынуждены были ограничиться самыми минимальными биографическими сведениями, извлеченными из доступных им источников. Однако нередко и такие данные обнаружить не удалось. Выявлено немало лиц, работавших в Библиотеке, относительно которых пока известны лишь некоторые разрозненные факты: фамилия, время поступления на службу или увольнения от нее и т. п. Было сочтено возможным поместить перечень таких сотрудников с выявленными о них сведениями отдельным списком (прил. 1) в надежде на то, что опубликование их имен привлечет к ним внимание, и, возможно, найдутся читатели, знающие о них гораздо больше или желающие специально заняться более углубленными поисками в воссоздании их жизненного пути и деятельности в Библиотеке.

<...>

Октябрьская революция стала коренным поворотом в социально-политическом развитии общества, создала новые условия деятельности научных и просветительных учреждений, в том числе и Публичной библиотеки, поставила перед ней новые задачи. Последовавшие за этим событием годы были трудными, во многом противоречивыми, переломными в истории

Библиотеки и судьбах ее сотрудников. Их биографии и трудовая деятельность отражают все сложности послереволюционной жизни Библиотеки в ее разнообразных и конкретных проявлениях.

Большинство сотрудников Публичной библиотеки, как и работников других научных учреждений, сразу не признало Советскую власть, не верило в ее прочность и долговечность. В дни вооруженного восстания и первые недели после него Библиотека была закрыта для читателей и вновь возобновила работу лишь с 13 (26) ноября. Это, однако, не означало признания новой власти, от контактов с представителями которой администрация Библиотеки продолжала уклоняться. Такова была общая позиция, выработанная совещанием научных учреждений и вузов Петрограда, реорганизовавшимся в декабре 1918 г. в Петроградский совет научных учреждений и высших учебных заведений, в состав которого входили и представители Публичной библиотеки.

Придерживаться долго этой позиции Библиотека не могла, жизнь требовала решения вопросов текущей деятельности. 29 января 1918 г. распоряжением Советского правительства, подписанным В. И. Лениным и А. В. Луначарским, уволен от должности директора 80-летний, тяжелобольной Д. Ф. Кобеко, а на его место назначен правительственный комиссар³³ А. Г. Пресс, выполнявший и функции директора. Это вызвало протест, заявленный представителями Библиотеки наркому просвещения Луначарскому, и 11 марта Пресс был освобожден, а на место правительственного комиссара назначен хорошо известный в Библиотеке, работавший в ней с 1902 г. В. М. Андерсон.

Одновременно велась интенсивная работа над «Уставом». С начала 1918 г. наметились первые контакты с Наркомпросом, так, в конце января начались переговоры относительно пересмотра «Устава» Библиотеки, утвержденного Временным правительством за несколько дней до его свержения. Первоначально речь шла о внесении изменений в «Устав» 1917 г., которые обсуждались на заседаниях Совета Библиотеки, на специальных совещаниях, на общем собрании сотрудников. В результате был подготовлен

проект нового «Устава», утвержденный 23 апреля 1918 г. Луначарским в редакции, предложенной Библиотекой³⁴. На основании этого «Устава» директором Библиотеки был избран Э. Л. Радлов, первый выборный директор за всю ее историю.

Статья 1 нового «Устава» провозглашала: «Российская Публичная библиотека есть автономное ученое и культурнопросветительное учреждение, которое, являясь национальным книгохранилищем, собирает и хранит всякого рода произведения печати, независимо от способов и цели их тиснения, а также рукописи и эстампы, чем способствует народному просвещению и научному знанию»³⁵. В «Уставе» формулировались права и преимущества Библиотеки (право на обязательный экземпляр; на получение из таможни иностранных изданий, которые по каким-либо причинам оказались не востребованы; на получение из-за рубежа изданий и рукописей «без каких-либо ограничений: как то: без цензуры и оплаты пошлины», на бесплатную пересылку посылок с книгами и т. д.).

Признание «автономии», важнейшими элементами которой явились избрание руководителя, самопополнение личного состава и самоуправление, включалось и в другие утвержденные в это время уставы вузов и научных учреждений, что преследовало цели преодоления саботажа, привлечения творческой интеллигенции к сотрудничеству в перестройке и налаживании научной, учебной и культурно-просветительной деятельности. Однако это была временная уступка. Принципиальная позиция Советской власти отвергала эту автономию. В. И. Ленин писал: «Мы во всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке зрения аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой»³⁶. И, хотя некоторые элементы и черты автономии в деятельности Библиотеки продолжали сохраняться более или менее длительный период, она постепенно включалась в общее русло просветительной работы Советского государства.

Революция, трудные условия жизни в период Гражданской войны и хозяйственной разрухи усилили отток работников из Библиотеки. Многие из-за

различных причин выехали из Петрограда, часть была мобилизована в армию и т. д. Некоторые, большей частью уже после оставления службы в Библиотеке, в разные годы оказались в эмиграции (И. И. Аверин, С. С. Безобразов, Ю. Н. Данзас, А. С. Изгоев (Ланде), М. Л. Каган-Шабшай, Г. Л. Лозинский, Е. Н. Нечаева, Г. П. Федотов, Д. В. Философов, Д. Н. Якшич). Однако, несмотря на перемены в личном составе, основное ядро ведущих сотрудников продолжало трудиться и после революции. Среди них Д. И. Абрамович, В. М. Андерсон, В. Э. Банк, К. Р. Берент, А. И. Браудо, И. А. Бычков, Г. А. Дюперрон, Н. Д. Игнатъев, М. Л. Лозинский, В. В. Майков, А. А. Мейер, В. М. Пушкин, Э. Л. Радлов, В. И. Сайтов, В. В. Успенский, Н. Т. Цветков, В. А. Чудовский, Д. Д. Шамрай, Ин. И. Яковкин и др. Благодаря этому обеспечивалась преемственность в деятельности Библиотеки, удалось уберечь ее от радикальной ломки и сохранить книжные богатства.

Участие сотрудников Публичной библиотеки в обсуждении начатых после революции мероприятий по перестройке библиотечного дела в стране и в практическом проведении их в жизнь способствовало более рациональному и безболезненному осуществлению этих коренных преобразований. Наркомпрос, со своей стороны, также был заинтересован в привлечении к работе ведущих сотрудников Библиотеки. Руководитель библиотечного отдела Наркомпроса А. П. Кудрявцев особо подчеркивал, что «в очень важных для работы отдела вопросах содействие именно Публичной библиотеки и необходимо и неизбежно»³⁷. Представители Библиотеки участвовали в Первом государственном совещании по библиотечному делу (В. М. Андерсон, А. И. Браудо, Г. А. Дюперрон, Н. Т. Цветков, Д. Д. Шамрай), в первой библиотечной сессии Наркомпроса, где А. И. Браудо был избран в состав комиссии по централизации библиотечного дела и вместе с Г. А. Дюперроном — в комиссию по выработке проекта о государственных и академических библиотеках. В Центральном комитете государственных библиотек, учрежденном в августе 1918 г. под председательством А. В. Луначарского,

почти всеми секциями руководили сотрудники Библиотеки (В. М. Андерсон, А. И. Браудо, М. Л. Лозинский, Ин. И. Яковкин).

«Устав» 1918 г. детально формулировал положения, относящиеся к органам управления Библиотекой (Совет, Комитет, директор, Хозяйственный комитет).

Согласно «Уставу», Совет был создан «в целях содействия деятельности Библиотеки и для установления непосредственной связи ее с научными и просветительными учреждениями, а также с широкими слоями населения»³⁸. Совет не обладал управленческими функциями, в его компетенцию входило лишь рассмотрение отчетов, докладов Комитета о направлениях деятельности Библиотеки, избрание почетных членов и почетных корреспондентов и обсуждение других вопросов, решения по которым был правомочен принимать Комитет. Наряду с полным составом Комитета, в Совет должны были входить представители многочисленных учреждений и организаций (все вузы Петрограда, Археографическое, Библиологическое, Географическое, Вольное экономическое общества, Эрмитаж, Всероссийский учительский союз, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и др.), а также представители от читателей. При таком широком составе — более 100 членов — Совет не мог стать оперативным и достаточно действенным органом, собирався редко и заметной роли в жизни Библиотеки не играл.

Управление Библиотекой возлагалось на Комитет, директора и Хозяйственный комитет. Основным управляющим органом выступал Комитет, ведению которого подлежали главные вопросы деятельности Библиотеки: избрание директора, его помощника, всех штатных и внештатных служащих, утверждение годовой приходно-расходной сметы и годовых отчетов, разрешение вопросов, касающихся научной и культурно-просветительной деятельности³⁹. Председательствовал в Комитете директор. Состав Комитета также был достаточно широким — директор, его помощник, все библиотекари и заведующие отделениями, представители от других штатных и нештатных служащих, от Академии наук, Книжной палаты, университета, Общества

библиотековедения, Наркомпроса и др. Некоторые учреждения действительно делегировали своих представителей; например, от Академии наук активно участвовали в деятельности Комитета академики М. А. Дьяконов и А. А. Шахматов, другие игнорировали Комитет. Тем не менее состав Комитета оказался громоздким, что заставило выделить из него так называемый Малый Комитет, оперативно решавший текущие вопросы. В середине 1918 г. Комитет насчитывал 42 члена, а Малый Комитет состоял из 12 человек⁴⁰.

Функции директора носили исполнительный характер (контроль за выполнением решений Комитета и Совета, распоряжение суммами, определенными сметой и штатами, и т. д.).

Постепенно, однако, роль Комитета в жизни Библиотеки менялась, а к 1924 г. его функции перешли к утверждаемому Наркомпросом Правлению Библиотеки, Состав Правления был существенно сужен, в него входили директор и его заместители, ученый секретарь, избранные представители от разных групп служащих Библиотеки, председатель месткома профсоюза, 2—3 представителя, назначенных Наркомпросом. В январе 1924 г. Э. Л. Радлов вышел в отставку с поста директора, и на его место избран акад. Н. Я. Марр — второй и последний выборный директор за все время существования Библиотеки вплоть до настоящего времени. Марр стремился сделать Правление более дееспособным и регулярно работающим органом, определяющим все текущие вопросы деятельности Библиотеки, в том числе назначение и увольнение сотрудников. Решения Правления оформлялись затем распоряжением (приказом) директора.

Середина 1920-х гг. стала определенным рубежом в жизни Публичной библиотеки. В это время она потеряла статус главной национальной библиотеки страны. С перемещением столицы в Москву и — что еще более существенно — с образованием Союза ССР эту роль начала играть Румянцевская библиотека. В начале 1925 г. ЦИК СССР преобразовал ее в Публичную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Тогда Российской Публичной библиотеке правительством РСФСР было присвоено новое название —

«Государственная Публичная библиотека в Ленинграде». Статус всесоюзной давал библиотеке им. В. И. Ленина ряд преимуществ (уровень заработной платы и др.), которых крупнейшая в стране библиотека — Публичная — была лишена. Руководство ГПБ в 1924—1926 гг. настойчиво добивалось, независимо от названия, придания ей статуса всесоюзной, исходя из роли и места в системе библиотек страны и мира. Ходатайства Библиотеки поддерживались местными советскими и партийными органами и Наркомпросом⁴¹, но все они были отклонены ЦИК СССР.

Изменение статуса Публичной библиотеки, новые условия ее деятельности все очевиднее свидетельствовали об утрате значения «Устава» 1918 г. как основного документа, определяющего ее работу. Поэтому в конце 1924 г. в Библиотеке началась подготовка проекта нового устава, отвечающего реалиям жизни. В 1925 г. проект был представлен в Наркомпрос, где он подвергся многократной переработке, так что Н. Я. Марр в 1927 г. имел полное основание заявить на заседании Библиотечной комиссии ГУСа, что представленный на обсуждение проект «является совершенно новым для самих составителей»⁴². После многочисленных дискуссий решено было рассматривать постатейно параллельно уставы ГПБ и ГБЛ. В результате проекты были унифицированы, но при этом из проекта ГПБ были исключены пункты, формулирующие преимущества и права Библиотеки на бесплатную пересылку корреспонденции и посылок, на получение из таможни конфискованных изданий и т. д. на том основании, что «Устав» будет утверждаться не Совнаркомом, а Наркомпросом, который не правомочен принимать решения, касающиеся других ведомств. Уставы обеих библиотек были почти во всех пунктах идентичными, с той только разницей, что ГБЛ определялась как «центральное книгохранилище и научно-исследовательское учреждение СССР», а ГПБ — «центральное государственное книгохранилище РСФСР и научно-исследовательское учреждение», являющееся «по составу своих собраний и по задачам, осуществляемым ею, библиотекой мирового значения».

Новый устав в форме «Положения о Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде» был утвержден коллегией Наркомпроса РСФСР 9 мая 1929 г.⁴³. Он закрепил принцип единоначалия в управлении Библиотекой. И, хотя «Положение» устанавливало, что «руководство библиотекой возлагается на директора и правление», функции Правления сводились в нем к тому, что оно содействовало директору в общем направлении всей деятельности Библиотеки, в частности «по предложению директора» рассматривало вопросы штатного, финансового, хозяйственного и административного характера. Директор назначался Наркомпросом по представлению ГУСа «из числа лиц, известных своими научными трудами и общественной деятельностью», он являлся «единолично ответственным за состояние и деятельность библиотеки», давал «общее направление всей ее научной и просветительной деятельности» и руководил «всеми мероприятиями в области административной и финансово-хозяйственных функций». Под председательством директора формировался и Ученый совет «для всестороннего освещения и обсуждения вопросов научной жизни в библиотеке», в функции последнего входила также рекомендация кандидатов на должность директора и на «ответственные библиотечные должности»⁴⁴. После оставления Н. Я. Марром поста директора на эту должность решением Наркомпроса с 1 ноября 1930 г. был назначен М. М. Добраницкий, член РКП(б) с 1923 г., дипломатический работник.

Деятельность Библиотеки на протяжении всех 1920-х гг. протекала в сложных условиях. Во время Гражданской войны помещения нередко не отапливались, читальный зал закрывался, и читатели ютились в небольших помещениях, обогреваемых чугунами. Несмотря на некоторое увеличение штатов, сотрудников явно не хватало, что негативно сказывалось на обслуживании читателей, на состоянии каталогов и т. п. Низкая заработная плата (временами уступавшая оплате труда сотрудников БАН и ГБЛ в два раза) обуславливала текучесть кадров, невозможность во многих случаях привлечь ценных, квалифицированных работников. Несмотря на то, что производственные площади несколько расширились за счет передачи в 1918 г.

соседнего здания на Садовой ул., 18 и присоединения ряда крупных библиотек в виде филиалов, острая нехватка помещений ощущалась постоянно, ибо фонды Библиотеки и масштабы ее деятельности непрерывно возрастали. Подготовленные в 1927—1928 гг. в соответствии с решением Президиума Ленсовета проекты строительства нового здания, примыкающего к главному зданию (проекты архитекторов А. С. Никольского, А. П. Удаленкова и В. А. Щуко), не получили воплощения ввиду начавшегося строительства здания ГБЛ в Москве. Настроения работников Библиотеки ярко отражает письмо Н. Я. Марра наркому просвещения (октябрь 1929), где он сообщал, что без постройки нового здания, без расширения помещений Библиотеки катастрофа неминуема. Мировое книгохранилище нужно будет через год, через два ликвидировать, потому что лучше ясный, точный конец, чем агония от удушья за отсутствием мест, где можно класть книги»⁴⁵.

Нехватку помещений остро ощущали и читатели. В 1920-е гг. Библиотека так и не смогла организовать специального научного читального зала (если не считать Кабинета новой иностранной литературы), специалисты и ученые вынуждены были работать в Главном читальном зале, переполненном учащейся молодежью.

Основные показатели обслуживания читателей начали сокращаться еще с началом Первой мировой войны. По сравнению с 1913 г. количественные показатели снизились в 1917 г. на 45 — 52%. Это падение за годы Гражданской войны и связанной с ней разрухи приняло еще более стремительный характер. Лишь с 1921 г. начался постепенный рост показателей. Уже в 1922 г. книговыдача превысила уровень 1913 г., довоенный уровень по посещаемости был превышен в 1923 г., а по числу читателей — в 1924 г.⁴⁶ Это, с одной стороны, было связано с переориентацией внимания Библиотеки на обслуживание широких народных масс, с другой — с увеличивающейся тягой к знаниям представителей тех социальных слоев населения, которые ранее слабо были представлены в числе читателей Публичной библиотеки. Принятые в 1921 г. новые правила Библиотеки открывали доступ в нее всем лицам,

достигшим 14 лет, что привело к резкому росту числа учащейся молодежи в составе читателей. Вскоре только учащиеся средних учебных заведений составили до 25% всех читателей, а в 1926 г. удельный вес студентов вузов и учащихся средних учебных заведений поднялся до 75%.

«Положение» 1929 г. закрепило правило, что Библиотека обслуживает «своими собраниями государственные и научные учреждения, а также всех граждан». Явным нарушением этого явился продиктованный идеологическими соображениями приказ директора от 5 января 1930 г., которым заведующим Рукописным и Русским отделениями, заведующим читальным залом, Кабинетом иностранной литературы, I, II и IV филиалами предлагалось «не допускать священнослужителей к пользованию книгами и другими печатными материалами в названных отделениях»⁴⁷.

Обслуживание читателей в этот период осуществлялось в рамках отделенческой системы, сложившейся еще в середине XIX в. Отделенческая структура Библиотеки, негативные стороны которой стали очевидными еще до революции, сохранялась в своей основе неизменной и в послереволюционные годы. «Устав» 1918 г. не регламентировал структуру Библиотеки, указывая лишь, что она «подразделяется на отделения»⁴⁸. Поскольку Библиотека объявлялась учреждением автономным, количество и состав отделений могли определяться самой Библиотекой. Однако каких-либо кардинальных изменений принципиального характера почти на всем протяжении 1920-х гг. структура не претерпела.

Принятое в 1918 г. решение об организации Отделения прикладных наук практической реализации не получило. В том же году было ликвидировано Секретное отделение (его фонды в виде коллекции вольной русской печати переданы в Русское отделение). Однако через несколько лет оно возродилось в новом виде. В октябре 1925 г. на заседании Правления Ин. И. Яковкин сообщал о задержках в получении иностранной литературы, чинимых Гублитом, пагубно отражающихся на пополнении фондов: «Иногда из-за одного не пропускаемого цензурой издания возвращались за границу целые ящики».

Выход виделся в создании особого отделения, куда направлялась литература, вызывавшая возражения Гублита. Решено было ходатайствовать перед центром об образовании такого отделения⁴⁹. Разрешение было получено, и в отделении под названием «Спецхрана», стали сосредоточивать «идеологически вредные» иностранные издания. Отечественные издания, изъятые из свободного обращения, направлялись в спецотдел. Таким образом, с середины 1920-х годов существовало два подразделения литературы ограниченного пользования⁵⁰, позже, в 1936 г. объединенные в одном Отделе специального хранения.

В середине 1920-х гг. в Библиотеке горячо обсуждалось высказанное Н. Я. Марром предложение о разделении всего фонда Библиотеки на 3 части (музей письменности и книги, сектор интернациональный, в котором актуальные книги, независимо от языка, распределялись бы по отделениям на основе чисто научных признаков, и сектор национальностей, т. е. книг на языках народов СССР), что повлекло бы за собой существенные изменения структуры Библиотеки. Это предложение практического претворения не получило, за исключением того, что касалось книг на языках народов СССР. С середины 1920-х гг. началась перестройка Восточного отделения, куда из Русского и других отделений начали передавать книги и периодические издания на языках народов СССР (кроме украинского и белорусского), прежде всего младописьменных. Эта растянувшаяся на несколько лет работа привела в 1931 г. к преобразованию Восточного отделения в Отдел национальностей (Отдел национальной литературы).

Не было реализовано и предложение М. М. Саранчина, заведующего Государственным книжным фондом, обращенное к руководству Публичной библиотеки в 1923 г.; в связи с сокращением штатов Фонда, Саранчин считал «желательным и существенно полезным присоединение Фонда к Российской Публичной библиотеке в качестве единого дублетного отделения»⁵¹. Это объединение произошло позднее, в 1936 г., когда Книжный фонд, насчитывавший 1300 тыс. томов, вместе со штатом сотрудников был включен в состав Библиотеки на положении самостоятельной единицы.

До революции в качестве отдельного собрания в Отделении истории был сформирован картографический фонд. С марта 1926 г. все картографические материалы стали собираться в Отделе картографии, самостоятельном как территориально, так и административно. До 1930 г. отдел находился в непосредственном подчинении дирекции, а в 1934 г. перешел на положение группы в составе Отдела фондов и обслуживания. Аналогично складывалась и судьба отделов эстампов и нот.

В 1927 г. было принято решение о консервации отделения «Россика», поскольку его фонды перестали пополняться по существу с началом Первой мировой войны. При этом намечалось приступить к образованию в составе иностранных отделений нового отделения «Советика», но реальных шагов к его созданию не последовало. Аналогичная судьба постигла и решение Правления об организации, по примеру ГБЛ, на базе библиотеки Главного штаба РККА «военной библиотеки в виде особого сектора»⁵². Процесс создания отделений не прекращался; в сентябре 1928 г. Правление постановило образовать Славянское отделение, поручив его организацию, формирование фонда и заведование Н. С. Державину. Но уже через два года, в сентябре 1930 г., на основании решения комиссии по чистке аппарата ГПБ отделение «Славика» было ликвидировано.

Одним из наиболее существенных изменений в структуре Библиотеки в послереволюционное время явилось образование филиалов. Их появление не меняло основ организационной структуры, ибо каждый филиал по своему статусу и существу представлял собой отделение, именовавшееся филиальным, — со своим фондом, справочным аппаратом, читальным залом, штатом и т. д. В Библиотеке отсутствовал какой-либо план организации филиалов, создавались они, как правило, на базе сложившихся уже книжных собраний. Но существование их позволило решать несколько задач: сохранение ценных фондов библиотек ликвидированных учреждений, расширение производственных площадей и увеличение штатов, что привело к улучшению

ситуации с обслуживанием в Главном здании и положительно отразилось на возможностях дифференцированного обслуживания по группам читателей.

В декабре 1918 г. Наркомпрос принял постановление о передаче Публичной библиотеке библиотеки Петроградской духовной академии, прекратившей в этом году свое существование⁵³. Эта библиотека образовала I филиальное отделение. Обладая богатейшими фондами (около 500 тыс. томов), включавшими не только книги по религии, но и по истории, философии, истории литературы и т. д., филиал долгие годы находился в тяжелом положении. Некоторые периоды его помещения не отапливались, книги выдавались читателям на дом или в Главный читальный зал Библиотеки лишь в отдельных случаях по особым разрешениям администрации. Осуществлялись различного рода работы с фондами (рекаталогизация и др.), отбирались рукописи и редкие издания в основные фонды Библиотеки. В 1929 г. по инициативе Союза безбожников и ЛГУ, поддержанной обкомом ВКП(б), филиал был преобразован в Антирелигиозный, но и после этого в течение трех лет не смог наладить обслуживание читателей, прежде всего вследствие перемещения фондов в новое помещение (Владимирский собор). Таким образом, заметной роли в обслуживании читателей этот филиал в 1920-е гг. не играл.

Первым по времени открытия для читателей стал II филиал, созданный на основе фондов бывшей библиотеки Вольного экономического общества (около 200 тыс. томов), переданных Публичной библиотеке постановлением Петроградского отдела научных учреждений и вузов Наркомпроса от 21 февраля 1921 г. Постановление обязывало Библиотеку взять немедленно в свое ведение помещение и библиотеку бывшего Вольного экономического общества». В нем указывалось, что эта библиотека должна составить особое экономическое и сельскохозяйственное отделение⁵⁴. II филиальное отделение, получившее название «Библиотека народного хозяйства» (позднее — «Библиотека местного хозяйства»), было сориентировано также на обслуживание студентов расположенных вблизи вузов (институтов

Технологического, Инженеров путей сообщения, Гражданских инженеров), техникумов и рабфаков, в связи с чем его фонды пополнялись новой учебной и общественно-политической литературой.

Для нужд основанного М. Горьким в 1919 г. издательства «Всемирная литература» в том же году стала создаваться специальная библиотека, комплектовавшаяся, главным образом, произведениями художественной иностранной литературы, справочниками и т. п. путем отбора книг из Государственного книжного фонда, национализированных книжных собраний и т. д. С самого начала издательство рассматривало свою библиотеку как будущее филиальное отделение Публичной библиотеки, в ведение которой она должна была перейти по окончании формирования; поэтому представители Публичной библиотеки принимали участие в работе коллегии библиотеки издательства. Библиотека начала функционировать 1 мая 1920 г. С 1 октября она отделилась от издательства и перешла в подчинение Петроградского отделения Главнауки. В мае 1922 г. она вошла в состав Публичной библиотеки, получив название «Библиотека “Всемирной литературы” — филиальное отделение Российской Публичной библиотеки», но оставалась по-прежнему под началом Главнауки, и лишь с октября 1924 г. ее передали в непосредственное ведение Публичной библиотеки в качестве ее IV филиала⁵⁵. Этот филиал, насчитывавший в 1925 г. уже 80 тыс. томов, привлек большое количество читателей — переводчиков, специалистов, учащихся, здесь работали читальные залы, абонемент, справочные бюро, кружки иностранных языков. В процессе функционирования IV филиала стали заметно проявляться элементы параллелизма с работой Отделения изящной словесности. Поэтому Ин. И. Яковкин считал целесообразным объединение этих двух подразделений, что и произошло много лет спустя.

Библиотека Дворца М. С. Урицкого (библиотека бывшей Государственной Думы) первоначально находилась в ведении Секции научных библиотек Петроградского отделения Главнауки и «как таковая выполняла задания, которые ставились Секцией, с одной стороны, и Публичной

библиотекой, с другой»⁵⁶. В 1923 г. в связи с упразднением Секции Главнаука поставила вопрос о присоединении этой библиотеки к Публичной библиотеке, что и было осуществлено в конце 1924 г. Будучи включена в состав ГПБ в качестве филиала, полноценным филиальным отделением она не стала. В 1925—1926 гг. фонды ее были разобраны, часть их (главным образом законодательные акты и другие официальные издания) влилась в основные фонды Публичной библиотеки, остальные — в резервные и Государственный книжный фонд.

В 1925 г. организован III филиал — Библиотека молодежи. В переданном ГПБ особняке Шувалова по наб. р. Фонтанки 15 ноября 1925 г. открылось это филиальное отделение, предназначенное для удовлетворения запросов юношества в научной и учебной книге. С началом его работы запись учащихся средних учебных заведений в Главный читальный зал была прекращена, что значительно уменьшило его перегруженность. В филиале были организованы читальные залы, справочно-библиографическое обслуживание, работали различные кружки, проводились массовые мероприятия. Фонд филиала формировался как универсальный (с учетом контингента читателей) за счет дублетов основного фонда ГПБ и текущих поступлений и уже к 1927 г. составлял около 30 тыс. томов. К сожалению, в 1928 г. Библиотеку молодежи пришлось перевести в Главное здание в гораздо меньшее по размерам помещение, масштабы ее деятельности сократились. С 1931 г. она стала опорной базой губкома ВЛКСМ в области политпросвещения и методики культурно-массовой работы комсомола и в следующем году переименована в Областную комсомольскую библиотеку, а в 1934 г. ликвидирована.

Последним организованным в 1920-е гг. филиалом стал Дом Плеханова — единственный из существовавших в 1920—1930-е гг. многочисленных филиалов, который функционирует до настоящего времени в качестве сектора Отдела рукописей. После смерти Г. В. Плеханова в 1918 г. его библиотека и обширный архив оставались за границей. В результате длительных переговоров представителей Советского правительства с наследниками Плеханова,

проживавшими в Париже, о передаче библиотеки и архива на родину его жена, Р. М. Плеханова и дочери выразили готовность передать их безвозмездно, с условием не расчленять их и поместить в Публичную библиотеку. В 1926 г. библиотека и архив Плеханова разместились в здании Вольного экономического общества, где и был организован V филиал ГПБ — Дом Плеханова, официально открытый в мае 1929 г. Его заведующим стала Р. М. Плеханова, состоявшая в этой должности почти до начала второй мировой войны. Филиал совмещал в себе функции музея, научного и библиотечного учреждения.

Таким образом, в 1920-е гг. в Библиотеке функционировало 5 филиалов, их существование было закреплено в «Положении» 1929 г., устанавливавшем, что филиальные отделения «в научном и библиотечно-техническом отношении объединены с основными собраниями библиотеки и, будучи в порядке административном вполне подчинены управлению последней, выполняют определенные задания»⁵⁷. В целом филиалы сыграли положительную роль. В 1925 — 1930 гг. они обслуживали в среднем до 25 % общего числа читателей.

Образованные после революции новые отделения, в том числе филиальные, не изменяли основ старой структуры Библиотеки. Вместе с тем с 1918 г. стали образовываться в ней и такие подразделения, которые не укладывались в прежние организационные рамки и постепенно подрывали отделенческую структуру.

Одним из первых мероприятий Наркомпроса по перестройке библиотечного дела в стране было учреждение с 1 октября 1918 г. в Публичной библиотеке Центрального справочного бюро с филиалом в Румянцевской библиотеке в Москве. Цель Бюро — обеспечить взаимное использование фондов крупных библиотек путем выдачи справок о наличии книги в конкретной библиотеке. Другая его задача — составление сводных каталогов. Наладить работу Бюро в полном объеме не удалось — прежде всего из-за финансовых ограничений и общих трудностей периода Гражданской войны. В начале своей

деятельности Бюро считало не свойственной ему функцию удовлетворения библиографических запросов читателей, ибо это — дело «совершенно на иных основаниях оборудованного аппарата, своего рода библиографического института»⁵⁸. Эту позицию руководителя Справочного бюро разделяла и первая библиотечная сессия Наркомпроса, при обсуждении деятельности Бюро согласившаяся с мнением заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского о передаче центра тяжести научных справок в специальные справочные отделы ведомств (напр., в научно-технический отдел ВСНХ)» с тем, чтобы не обременять государственные библиотеки непосильной работой⁵⁹.

Постепенно акценты в работе Справочного бюро смещались, выполнение библиографических справок по запросам читателей превращалось в основную функцию Бюро, в связи с чем оно в 1923 г. получило новое название — Справочно-библиографическое бюро. С 1925 г. сотрудники Бюро начали дежурства в Библиотеке на пунктах обслуживания, с 1926 г. из фондов стали собирать в Бюро справочные и библиографические пособия. Библиографические запросы в 1927 г. составили уже 70% всех запросов читателей.

Новым по своему характеру был и Кабинет новой иностранной литературы (КИЛ), организованный в феврале 1922 г. в целях устранить распыление небольшого количества иностранных книг, поступавших в крупные библиотеки Петрограда, и сосредоточить их для удобства обслуживания специалистов в одном месте, а именно в Публичной библиотеке. Позднее, по мере расширения возможностей библиотек, иностранная литература стала поступать непосредственно в каждую библиотеку, и КИЛ продолжал работу только с книгами, полученными самой Библиотекой. При Кабинете имелся читальный зал на 70 мест. КИЛ совмещал в себе функции комплектования, временного хранения фондов (передаваемых затем в соответствующие иностранные отделения), обслуживания, каталогизации новых поступлений, получения литературы по МБА. Уже в 1925 г. Кабинет обслужил около 30 тыс. читателей, выдал около 450 тыс. томов.

С середины 1920-х гг. создаются организационные предпосылки для функционального выделения и централизации и некоторых других видов деятельности Библиотеки. В частности, с созданием в 1925 г. фотокабинета появляется новая форма обслуживания читателей. Фотокабинет, имевший целью удовлетворение собственных нужд Библиотеки, в первую очередь — Рукописного отделения, постепенно начал также выполнять заказы учреждений и читателей по копированию библиотечных материалов. В 1929 г. организовано Бюро переводов для выполнения заказов на переводы статей из иностранных журналов. Многочисленные заказы на тематические библиографические справки, поступавшие в Библиотеку, привели к созданию в 1931 г. Бюро обслуживания. Все эти хозяйственные подразделения послужили базой организованного впоследствии Отдела внешних работ (внешнего обслуживания).

Во второй половине 1920-х гг. предпринимались меры по функциональному выделению некоторых видов массовой работы. В 1926 г. образовано общебиблиотечное Выставочное бюро, в конце 1928 г. — Экскурсионное бюро, в 1930 г. группа массовой работы, занимавшаяся организацией лекций и бесед для читателей. Специальных сотрудников в их составе не было, но они явились основой для организации позднее самостоятельного функционального Отдела массовой работы (1936).

Все эти изменения не укладывались в существовавшую отделенческую структуру. Особенно показательным в этом отношении было создание новых отделов комплектования и систематизации.

В 1928 г. сотрудники КИЛ, осуществлявшие выписку новой иностранной литературы, поставили вопрос об освобождении Кабинета от этой функции. В связи с этим на заседании Правления было принято решение образовать функциональный Отдел комплектования «для сосредоточения и объединения всех работ по выписке и получению иностранной литературы»⁶⁰. Что касается отечественной литературы, то такой вопрос не ставился, ибо текущее комплектование ее почти полностью обеспечивалось поступлением

обязательного экземпляра в соответствующие отделения, покупка же книг из-за отсутствия средств не играла в этот период сколько-нибудь заметной роли.

В 1920-е гг. Библиотека серьезно занялась приведением в порядок своего каталожного хозяйства. Изначально эти работы были рассредоточены по отделениям. Каждое отделение, филиал и Главный читальный зал сами описывали свои фонды, создавали и вели каталоги по своим схемам и инструкциям. Неоднократно поднимался вопрос о создании единого алфавитного каталога на все фонды Библиотеки. Но решить эту задачу в рамках отделенческой структуры не представлялось возможным. В 1929 г. был создан функциональный Отдел систематизации, в задачу которого должно было входить «согласование схем систематизации, а также объединение и учет всех работ по систематизации, проводимых как во всех отделениях Библиотеки по своим материалам, так и в читальном зале»⁶¹. Здесь еще не шла речь о централизации работ по систематизации в одном общебиблиотечном подразделении, но сама организация такого отдела становилась важным шагом в этом направлении.

Отдельные попытки централизованного выполнения важнейших общебиблиотечных функций не могли быть успешными без коренной реформы всей организационной структуры Библиотеки. Это становилось все более очевидным. 12 июня 1930 г. «для предварительной проработки вопросов организации функциональных отделов» обработки и обслуживания назначается комиссия под председательством М. Э. Орловской. 17 июня дополнительно комиссии поручается рассмотреть и вопрос об организации Отдела хранения⁶². В июле комиссия ознакомилась с постановкой дела при функциональной системе в библиотеках Москвы и в конце месяца представила свои предложения, которые и были утверждены. С 1 октября 1930 г. структура Библиотеки подверглась реорганизации на основе функциональных принципов выделения отделов. Были образованы функциональные отделы комплектования, хранения, обработки, обслуживания читателей и консультационно-библиографический. Реорганизация повлекла за собой

ликвидацию всех иностранных отраслевых отделений и Русского отделения, фонды которых вошли в состав Отдела хранения. В составе функциональных отделов были образованы подотделы, сектора, группы. Само название отделов со временем менялось, они переименовывались в сектора, затем опять в отделы, соответственно изменялось и название подотделов и секторов.

При введении функциональной системы некоторые прежние отделения, образованные по различным принципам (по языкам, виду материалов и т. п.), сохранялись и подчинялись непосредственно дирекции — восточное, еврейское, рукописное, картографии, эстампов, нот.

Сотрудники, поступившие в Библиотеку в 1918 — 1930 гг., работали в ней и в дальнейшем, что делает необходимым привести краткий обзор структуры Библиотеки в последующие годы. Отделы хранения и обслуживания были объединены в Отдел фонда и обслуживания, в него вошли также отделы картографии, эстампов и нот, вновь выделившиеся в самостоятельные подразделения лишь в послевоенный период, равно как и Отдел газет, а затем отделы общих читальных залов и межбиблиотечного абонемента. Отдел обработки был разделен на два отдела — систематизации и каталогизации, а затем функционировал как единый Отдел обработки и каталогов. Отдел инкунабулов был объединен с Рукописным отделом, а затем некоторое время существовал в качестве самостоятельного Отдела редкой книги. Восточное отделение преобразовалось в Отдел национальной литературы, в состав которого вошло и Еврейское отделение. В послевоенное время Отдел национальностей разделился на два — Отдел литературы на языках народов СССР и Отдел литературы на языках зарубежного Востока. В 1930-е гг. образовались самостоятельные отделы внешних работ (внешнего обслуживания) и массовой работы, а в послевоенный период — Отдел гигиены и реставрации книги. Возникло несколько новых филиалов — на базе ЦПКИО, Дворца пионеров, Дворца культуры им. С. М. Кирова, колхозный филиал в Псковской области. Все они после Великой Отечественной войны не возобновляли своей деятельности.

Уставом 1918 г. и «Положением» 1929 г. Публичная библиотека определялась как «ученое», «научно-исследовательское учреждение». Сотрудники ее вели разнообразную и обширную научную работу. Однако какого-либо специального структурного подразделения, ответственного за это направление деятельности, Библиотека не имела. В определенной степени формой организации научной работы стали проводимые с 1925 г. по инициативе группы ведущих сотрудников (В. Э. Банка, В. Г. Геймана, Н. С. Державина, Е. А. Лаппа-Старженецкой, С. В. Рождественского, В. Ф. Шишмарева и др.) научные совещания. Подготовкой их занимались специальные комиссии, образованные в 1925 г.⁶³ В задачу научных совещаний входило обсуждение докладов по вопросам библиотековедения и постановки библиотечного дела в СССР и за рубежом, по проблемам деятельности самой ГПБ и т. д. Научные совещания проводились регулярно, в марте 1930 г. состоялось 40-е заседание. В известной мере опыт этих совещаний послужил основой для создания в конце 1930-х гг. Кабинета библиотековедения с научными секциями при нем.

Некоторое время при Библиотеке существовало научно-исследовательское учреждение, а именно: Институт книговедения. В 1920 г. в связи с переездом в Москву Книжной палаты, в функции которой входила и научная работа в области книговедения, в Петрограде был создан Институт книговедения. Летом 1925 г. Наркомпрос принял решение о передаче его в ведение Публичной библиотеки с сохранением за ним известной самостоятельности. При обсуждении этого вопроса на заседании Правления Библиотеки представитель Наркомпроса М. П. Кристи подчеркивал, что Институт «в нынешнем его виде является совершенно непригодным аппаратом и должен быть без всякой сентиментальности реорганизован как в отношении плана работ, так и в отношении штата»⁶⁴. С начала 1926 г. Институт в составе различных секций функционировал уже при Библиотеке, смета его на этот год позволяла содержать лишь 8 штатных научных сотрудников, остальные работали вне штата. Директор Института А. Е. Плотников входил в Правление

Библиотеки, а представители Библиотеки (В. Э. Банк и Ин. И. Яковкин) — в состав правления Института, некоторые сотрудники активно участвовали в работе секций, но органичной связи двух учреждений достичь не удалось. В Институте почти не велись исследования, основанные на изучении фондов Библиотеки. Разногласия вызывали и направления его деятельности, в частности, руководство Библиотеки считало, что Институт не должен заниматься библиографией и теорией библиографии. В феврале 1928 г. при рассмотрении проекта положения об Институте в Библиотечной комиссии ГУСа А. Е. Плотников выступил с предложением сосредоточить всю научно-исследовательскую работу Публичной библиотеки в Институте, что не встретило положительного отношения со стороны членов Комиссии. Директор подчеркивал, что Институт «является старым учреждением, возникшим давно, бывшим ранее самостоятельным и рассчитывающим в будущем снова эту самостоятельность приобрести»⁶⁵. Такова была позиция и других сотрудников Института. В конце 1928 г. комиссия Главнауки, обследовавшая Институт, пришла к выводу о целесообразности отделения его от Публичной библиотеки и, согласно постановлению Совнаркома РСФСР, с 1 октября 1929 г. Институт книговедения вновь стал самостоятельным учреждением, просуществовав в этом качестве вплоть до ликвидации его в 1933 г.

В 1920-е гг. в Библиотеке функционировало и учебное заведение — Высшие курсы библиотековедения (ВКБ), сыгравшие Значительную роль в подготовке библиотечных работников как для самой ГПБ, так и для других научных библиотек города.

До революции в России не было специальных учебных заведений, готовивших профессиональных библиотечных работников, эпизодически организовывались лишь краткосрочные курсы. Общество библиотековедения в Петербурге на своем съезде в 1911 г. выдвинуло задачу учреждения особых курсов для подготовки таких работников, но реализовать ее удалось лишь через несколько лет. С 9 июля по 17 августа 1918 г. состоялись краткосрочные курсы имени русского просветителя Н. И. Новикова, которые окончили 87 чел.

Новиковские курсы послужили толчком к учреждению курсов Центральным комитетом государственных библиотек, считавшим наличие специально подготовленного, квалифицированного персонала одним из важных условий обеспечения взаимодействия научных библиотек. В мае 1919 г. Комитет открыл одногодичные библиотечные курсы, с конца года размещавшиеся в здании Публичной библиотеки. В 1920 г. они были преобразованы в высшее учебное заведение (что в официальных документах никогда не было зафиксировано) и получили название Высшие курсы библиотековедения. В начале 1922 г. Курсы были переданы в непосредственное ведение Публичной библиотеки. Целью их до конца 1920-х гг. была подготовка работников для научных библиотек, поскольку существовавшие вузы (Институт внешкольного образования, Политико-просветительный институт и др.) ориентировались на массовые библиотеки. ВКБ стремились принимать в число слушателей лиц, уже имевших высшее образование и опыт работы в библиотеках и владевших иностранными языками. В качестве преподавателей выступали сотрудники Библиотеки, широко привлекались и известные специалисты из других научных учреждений и высших учебных заведений (П. Н. Берков, И. А. Боричевский, Б. П. Гушин, Л. К. Ильинский, Е. Г. Лисенкова, Е. И. Носов, П. К. Симони, В. Я. Пропп, С. А. Щеглова, Е. А. Энгель и др.). Была предпринята попытка организовать при Курсах аспирантуру. Возникла идея сделать ВКБ организационным центром научно-исследовательской деятельности Библиотеки. Но реализовать эти намерения до конца не удалось.

Утвержденный Временным правительством 18 октября 1917 г. «Устав» Публичной библиотеки предусматривал увеличение числа штатных сотрудников до 60 человек. «Уставом» 1918 г. штат количественно не регламентировался. Библиотека как автономное учреждение сама могла определять число штатных и сверхштатных сотрудников в соответствии с потребностями. Но реально это напрямую зависело от размеров ассигнований, получаемых из государственного казначейства, и от наличия специальных средств. Позднее штат стал определяться Наркомпросом. С начала 1920-х гг.

количество штатных и сверхштатных сотрудников постоянно увеличивалось, в том числе и за счет присоединения к Библиотеке в качестве филиалов других библиотек (Духовной академии, Вольного экономического общества и др.).

В 1920 г. в Библиотеке числилось 204 сотрудника, в 1923—1924 гг. — 225. В конце 1925 г. Главнаука утвердила штаты в количестве 257 единиц (не считая рабочих и технического персонала). Увеличение штата было продиктовано расширением масштабов обслуживания читателей, ростом фондов и т. д. Однако динамика численности работников была противоречивой: количественный рост периодически перемежался сокращениями. Эти болезненно проходившие сокращения с середины 1920-х гг. несли в себе и тенденцию «очищения» Библиотеки от социально-чуждых элементов.

Наиболее крупными по численности сотрудников в конце 1925 г. были читальный зал (32 человека), Русское отделение (24), Библиотека молодежи (10), Рукописное отделение (9), Кабинет иностранной литературы (8). В большинстве других отделений и филиалов работало по 2—3 сотрудника. После реорганизации структуры на основе функционального принципа в конце 1930 г. произошли существенные изменения в распределении штатов по структурным подразделениям. Самыми большими по числу работников стали функциональные отделы: обработки (72), обслуживания (62), справочно-библиографический (18), хранения (15); некоторые же отделы (картографии, эстампов, нот, секретный) располагали лишь одним сотрудником. Из филиальных отделений по-прежнему выделялась Библиотека молодежи (7 человек).

В Библиотеке существовала практика, когда сотрудники ряда отделений выполняли производственные задания, не связанные с их прямыми обязанностями. Так, в 1920-е гг., согласно Рижскому мирному договору 1921 г., в Библиотеке проводилась огромная работа по выделению из фондов книг, рукописей и других материалов, подлежащих передаче Польше. Какого-либо специального структурного подразделения для выполнения этой работы не существовало, и ею занимались сотрудники различных отделений, в первую

очередь иностранных и рукописного, которые порою отдавали этому все свое служебное время.

«Уставом» 1918 г. Публичная библиотека рассматривалась как ученое и библиотечное учреждение. Это внесло существенные изменения и в номенклатуру должностей. В ней сочетались должности научных сотрудников и библиотечных работников. Такое положение сохранялось на протяжении 1920-х гг.

В первый послереволюционный период при зачислении сотрудников на службу часто не обозначалась конкретная должность. Практиковались формулировки: «определяется служащим в Рукописное отделение», «приглашается для специальных работ в Русское отделение», «назначается нештатным служащим», «зачисляется для выполнения каталогизационных работ», «определяется каталогизатором» и т. п. В 1918—1919 гг. существовала должность «начинающего научного сотрудника», вовсе не означавшая, что речь идет о неквалифицированном или малоквалифицированном работнике. Так, на эту должность были избраны заслуженный профессор Петроградского университета П. А. Земятченский, чл.-кор. Академии наук П. Н. Жукович и др. Основанием для такого определения было, очевидно, отсутствие библиотечного стажа; однако зачисленные вскоре переводились в разряд библиотечных работников или научных сотрудников.

Уже в начале 1920-х гг. сложилась достаточно четкая номенклатура должностей — как библиотечных (библиотекарь, старший помощник, помощник, младший помощник библиотекаря), так и научных (научные сотрудники 1-го и 2-го разрядов). Поскольку научные сотрудники, согласно общему положению о научных учреждениях, пользовались правами «учебной службы» (по выходе на пенсию и т. д.), то, естественно, возник вопрос о соотношении должностей научных и библиотечных. Этот вопрос неоднократно обсуждался в Библиотечной комиссии ГУСа. Единодушным было мнение, что главные библиотекари, библиотекари и помощники библиотекаря относятся к категории научных сотрудников. Споры вызвал лишь статус младших

помощников библиотекаря, и в конечном счете пришли к решению относить их к категории научно-вспомогательного персонала⁶⁶.

К концу 1928 г. номенклатура должностей была в Библиотеке унифицирована и стала чисто библиотечной: главный библиотекарь, библиотекарь 1-го разряда, библиотекарь 2-го разряда, помощник библиотекаря. При этом по размеру оплаты труда каждая должность дифференцировалась на 3—4 группы. Наконец, «Положение» 1929 г. установило, что личный состав Библиотеки подразделяется на: 1) научный; 2) научно-технический; 3) библиотечно-технический; 4) административно-технический; 5) библиотечно-служительский; 6) рабочий. К научному персоналу, наряду с директором и членами Правления, относились главные библиотекари, библиотекари, старшие помощники библиотекарей, ученые библиографы и их помощники, директор и секретарь ВКБ, а также сотрудники НИИ книговедения (действительные члены, научные сотрудники 1-го и 2-го разрядов).

Указанный в «Положении» перечень должностей не включал категорию работников, которая, однако, существовала в штатах Библиотеки во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. Речь идет о консультантах. Эти должности по размеру окладов, как правило, были приравнены к должности главного библиотекаря. Первоначально консультантами назначались (обычно на пол-оклада) архитектор и врач, со второй половины 1920-х гг. консультантами становились специалисты — сотрудники библиотечных отделений, занятые, главным образом, каталогизацией, систематизацией, работой с рукописными материалами. В разное время в должности консультанта состояли М. С. Виридарский, О. А. Добиаш-Рождественская, М. Л. Лозинский, В. В. Майков, А. Н. Римский-Корсаков, А. Г. Фомин и др., причем нередко были случаи перевода их на должности главных библиотекарей и обратно. Должность штатных консультантов сохранилась и после 1930 г.

Помимо штатных консультантов, в Библиотеку привлекалось, особенно в связи с расширением каталогизационных работ, значительное количество

консультантов без оплаты. Это видные ученые в своей области, стремившиеся оказать помощь в разработке схем систематизации, в решении других вопросов, требовавших компетенции специалистов. В их числе были С. Д. Балухатый (история русской литературы), К. К. Баумгарт (физика), Э. Р. Гессе (медицина), Н. Я. Кузнецов (зоология), Б. Н. Меншуткин (химия), С. В. Юшков (право, рукописное отделение) и др.

«Устав» 1918 г., как и дореволюционные нормативные акты и практика, предусматривал право Библиотеки избирать почетных членов и почетных корреспондентов, а в «Положении» 1929 г. оговаривалось право избирать членов-корреспондентов. Однако каких-либо данных об избрании в 1920-е гг. почетных членов или членов-корреспондентов установить не удалось.

Согласно «Уставу» 1918 г., директор, его помощник, а также все штатные и нештатные сотрудники Библиотеки избирались Комитетом⁶⁷. Это положение сохранялось в течение нескольких лет, однако по мере того, как Комитет утрачивал свою роль в управлении Библиотекой, определение на службу новых сотрудников переходило в компетенцию Правления, решения которого оформлялись распоряжениями и приказами директора. К середине 1920-х гг. Главнаука, в ведении которой состояла Библиотека, начинает играть более активную роль в формировании ее кадрового состава. Практика согласования с Наркомпросом приема на службу, особенно старших сотрудников, становится правилом. И, хотя в «Положении» 1929 г., закрепившем единоначалие и относившем все кадровые вопросы к компетенции директора (Совет Библиотеки имел право лишь «рекомендовать» кандидатов на ответственные библиотечные должности), ничего не говорилось об утверждении назначений на библиотечные должности органами Наркомпроса, роль последнего в решении штатных вопросов, безусловно, возросла к концу 1920-х гг.

«Устав» 1918 г. устанавливал, что на должности библиотечных работников дозволялось определять и лиц, «занимающих в других учреждениях штатные должности, с сохранением таковых, но только тогда, когда сии

должности, по роду своему, не могут служить препятствием к своевременному и точному исполнению обязанностей по Библиотеке»⁶⁸. Такая практика продолжалась в течение 1920-х гг., что давало возможность Библиотеке привлекать для работы весьма квалифицированных сотрудников, известных ученых в различных областях науки. При этом, работая одновременно в каких-либо научных учреждениях и учебных заведениях, некоторые из них (В. Ф. Шишмарев и др.) просили считать свою службу в Библиотеке основным местом работы.

В «Уставе» 1918 г. сформулированы в общем виде требования к зачисляемым на библиотечную службу: на все библиотечные должности могли определяться лица, «обладающие необходимою научною подготовкою и специальными познаниями по библиотековедению»⁶⁹, т. е. имеющие соответствующий уровень образования и библиотечный опыт. Наличие высшего образования в 1920-е гг. являлось одним из основных условий для зачисления на библиотечные должности, хотя существенное увеличение штатов порой приводило к отступлениям от этих требований. Но даже в 1932 г. среди главных библиотекарей, библиотекарей 1-го и 2-го разрядов более 76% обладали высшим образованием и 11,8% имели среднее специальное образование (главным образом выпускники Высших курсов библиотековедения)⁷⁰.

На заседании Библиотечной комиссии Научно-политической секции ГУСа в феврале 1926 г. Н. Я. Марр, говоря о кадрах, подчеркивал, что Библиотека является «активно-научно-исследовательским учреждением, и не только в отношении исследования библиотечно-технических вопросов, но и в отношении изучения ее фондов, в состав которых входит и изящная литература, и гравюры, и рукописи и т. д., нуждающиеся в научном исследовании по существу. Поэтому библиотекарь не может быть только хранителем; он должен быть одновременно и исследователем, и в библиотеке должно быть отведено место научным исследованиям даже в большей степени, чем в музеях. Все ответственные, руководящие места в библиотеке должны быть заняты лицами,

сочетающими знание библиотечного дела как такового со специализацией в определенной отрасли знания. Просто технические сотрудники выполняют в ней статический элемент»⁷¹. Сам директор прилагал немало усилий для привлечения к работе в Библиотеке известных ученых. В рассматриваемый период в разные годы в ней трудилось немало ученых, в их числе 25 действовавших и будущих академиков и членов-корреспондентов. Помимо тех, кто работал еще с дореволюционного времени, в коллектив сотрудников Библиотеки входили В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, В. Н. Бенешевич, А. И. Бриллиантов, А. А. Васильев, Б. Я. Владимирцов, Н. С. Державин, О. А. Добиаш-Рождественская, П. Н. Жукович, П. А. Земятченский, А. И. Малеин, Н. Я. Марр, Н. В. Пигулевская, С. В. Рождественский, Е. В. Тарле, В. Ф. Шишмарев. Независимо от продолжительности их службы все они оказали большое влияние на уровень работы Библиотеки.

После перехода Библиотеки в конце 1930 г. на функциональную структуру служба в ней утратила для многих ученых, представителей разных областей знания, свою привлекательность. При существовавшей до того системе отраслевых отделений в каждом из них сосредотачивалась литература по родственным дисциплинам, что позволяло их сотрудникам хорошо ориентироваться в литературе по специальности, общаться с определенным кругом читателей-специалистов, знать их интересы и удовлетворять запросы и т. д. Это обстоятельство было одним из основных стимулов службы ученых в Библиотеке, а с устранением его количество ученых, желающих посвятить себя библиотечной работе, стало уменьшаться.

Со второй половины 1920-х гг. при формировании штата Библиотеки все большее внимание начинает уделяться идеологической ориентации сотрудников. Так, на заседании Правления 4 октября 1928 г. член правления М. В. Серебряков подчеркивал, что от сотрудников Библиотеки «требуется: 1) специальная подготовка и 2) определенная идеологическая установка». Н. Я. Марр, со своей стороны, указывал «на необходимость определенного мировоззрения и диалектического мышления у всех сотрудников

Библиотеки»⁷². Предпринимались и меры для повышения идейно-теоретического уровня работников. В ноябре 1929 г. Правление специально обсуждало этот вопрос. Ин. И. Яковкин докладывал, что вопрос о надлежащей квалификации работников Библиотеки «специально в области марксистской подготовки <... > стоит во всей остроте», и предложил организовать для ответственных работников марксистский семинар повышенного типа; при этом Правление сочло участие в семинаре для всех заведующих отделениями и их помощников обязательным⁷³.

В числе принятых на службу в Библиотеку, особенно в первой половине 1920-х гг., по-прежнему ведущее место занимали выходцы из дворян, духовенства, купцов, почетных граждан. Библиотеке требовались работники с соответствующим уровнем образования, знанием иностранных языков, а всем этим обладали лица, вышедшие именно из этих социальных слоев. В первые годы после революции Публичная библиотека действительно стала для многих «бывших» в известном отношении прибежищем. Служба в Библиотеке, учреждении государственном, хотя и автономном, давала им определенный общественный статус, позволяла избежать «уплотнения», различного рода мобилизаций на общественные работы, которым подвергались «нетрудовые элементы». В необходимых случаях Библиотекой выдавались свидетельства «о лояльности», в какой-то степени гарантировавшие от вполне реальных неприятностей.

Среди таких лиц прежде всего следует назвать профессоров и преподавателей прекратившей существование Духовной академии, чиновников бывшего Св. Синода, различных министерств. Некоторые из них какое-то время преподавали в вузах или служили в других учреждениях, но вскоре были уволены по сокращению штатов и приняты на службу в Публичную библиотеку. Это бывшие профессора Духовной академии А. И. Бриллиантов, П. Н. Жукович, Д. П. Миртов, М. И. Савваитский, И. П. Соколов, И. Г. Троицкий, доцент В. А. Беляев, бывший обер-прокурор Св. Синода С. М. Лукьянов, член Ученого комитета Синода и профессор Духовной

академии А. И. Садов, столоначальник канцелярии Синода Н. В. Смирнов. Среди сотрудников Библиотеки оказались фрейлина русской императрицы Ю. Н. Данзас, член Совета Министра Императорского Двора в должности гофмейстера Б. К. Ордин, настоятель церкви при Русской дипломатической миссии в Дрездене Д. Н. Якшич, полковник Генерального Штаба В. Ф. Голубев, видный деятель кадетской партии А. С. Изгоев (Ланде) и др.; продолжал службу в Библиотеке до самой кончины (1919) бывший министр народного просвещения Г. Е. Зенгер.

Таким образом, социальный состав служащих в Библиотеке в 1920-е гг. изменился мало; лишь во второй половине десятилетия начала заметно возрастать доля выходцев из крестьян, мещан и рабочих. Сколько-нибудь точно определить удельный вес представителей разных сословий и социальных групп из числа поступивших на работу в 1918—1930 гг. трудно. В документах многих сотрудников нет четкой формулировки по этой позиции, она подменяется лишь указанием на профессию родителей, а иногда служит способом сокрытия своего происхождения. В ряде случаев такие сведения вообще отсутствуют. Тем не менее анализ данных о сотрудниках, биографические очерки о которых включены в настоящий том «Словаря», показывает, что по-прежнему наибольший удельный вес продолжали занимать дети дворян (77 человек), мещан (44), купцов и почетных граждан (30), священнослужителей. Значительное число сотрудников относили себя по происхождению к таким группам, как служащие и чиновники (24), врачи (34), учителя и др. Лиц крестьянского происхождения было 40 человек, а из семей рабочих — лишь 8 человек.

Социальный состав служащих определял и их партийную принадлежность. В Библиотеке продолжали работать члены партий, прекративших свое существование после Октябрьской революции. Группа коммунистов и комсомольцев была весьма малочисленна и заметного влияния на положение дел в Библиотеке оказывать не могла. К концу 1926 г. в ней насчитывалось всего 10 членов ВКП(б), среди них члены Правления

М. В. Серебряков и А. Е. Плотников, заведующий секретным отделом М. М. Ривкин и секретарь ВКБ Ш. Я. Мейнстер, остальные относились к техническому персоналу; лишь 3 научно-технических сотрудника и несколько рабочих были комсомольцами.

В 1920-е гг. среди сотрудников стали появляться политэмигранты из других стран. В их числе И. Ф. Кемлейн, член Социал-демократической, а затем Коммунистической партии Германии, М. М. Гриншпун — член Коммунистической партии Австрии, Э. Г. Лурье — член Социалистической, впоследствии Коммунистической партии США. Этот процесс продолжался и в последующие годы.

Во второй половине 1920-х гг. в стране осуществлялась кампания по выдвижению лиц из рабочей среды на руководящие должности в учреждениях просвещения, науки и культуры. Этот процесс коснулся и Публичной библиотеки. Так, в 1925 г. по рекомендации партийных органов был назначен на должность заведующего II отделением рабочих Ф. И. Иванов. Прослужив в этой должности 5 месяцев, он затем 2 года находился на излечении в больнице, а по возвращении определен техническим работником читального зала. В апреле 1930 г. по рекомендации Комиссии по чистке аппарата ГПБ заведующим тем же отделением назначается рабочий-выдвиженец Н. И. Иошин; через 4 месяца он был уволен из Библиотеки за самовольный уход с работы. Как выдвиженец-рабочий, по рекомендации райкома ВКП(б) в октябре того же года зачислен библиотекарем 1-го разряда с функцией заместителя заведующего Отделом хранения венгерский политэмигрант И. С. Пинцель, в 1933 г. уволившийся по собственному желанию.

В целом практика выдвижения на руководящие посты в Библиотеку рабочих себя не оправдала и не получила распространения, хотя принятие на службу лиц по рекомендациям партийных и советских органов не было редким явлением.

В послереволюционный период наиболее существенные изменения в личном составе Библиотеки связаны с резким увеличением удельного веса

женщин. До 1917 г. женщины не могли состоять штатными служащими Библиотеки. После Февральской революции они получили такие права, и те, кто к этому моменту в качестве вольноотрующихся работали в Библиотеке, были зачислены в нештатные служащие. «Устав» 1918 г. подтверждал равенство прав лиц обоего пола на занятие библиотечных должностей. Приток женщин усилился в период Гражданской войны, что вызывалось, в частности, мобилизацией сотрудников-мужчин в армию и на различные работы. В дальнейшем в укомплектовании библиотечных штатов значительную роль стали играть ВКБ, большую часть слушателей которых составляли женщины. В целом за период 1918 — 1930 гг. среди сотрудников, принятых на работу, на долю женщин приходилась половина всех зачисленных. Многие из них в этот период заняли ведущее положение, став основными работниками и руководителями важнейших участков библиотечной деятельности. В 1920-е гг. заведовали отделениями, отделами и филиалами С. Л. Быховская, Ю. Н. Данзас, Е. А. Душкевич-Волынская, Е. А. Лаппа-Старженецкая, Э. Г. Лурье, Ф. Л. Никифорова, Л. И. Олавская, М. Э. Орловская, Р. М. Плеханова, Е. Ф. Проскурякова и др.

Несмотря на стабильность основного ядра сотрудников, текучесть кадров, особенно младшего библиотечного персонала, была достаточно высокой. События революции и Гражданской войны, трудности существования в условиях разрухи стимулировали отток работников. В дальнейшем среди причин увольнения важную роль играли низкая заработная плата, плохие условия труда, а также различные семейные обстоятельства, что особенно касалось женщин (рождение ребенка и т. п.). Все это несомненно отрицательно сказывалось на деятельности Библиотеки (отметим, к примеру, что в Отделении естественных наук с 1919 г. по 1925 г. сменилось пять заведующих).

Гораздо более существенный урон библиотечным кадрам нанесли, особенно в последующие, 1930-е гг., репрессии по идейно-политическим мотивам. Из числа работавших в 1920-е гг. 60 человек подверглись тем или иным репрессиям в период их службы в Библиотеке или после оставления ее.

При этом 10 сотрудников были расстреляны (В. Н. Бенешевич, П. И. Болдин, М. С. Дмитриевский, М. М. Добраницкий, С. М. Закс-Гладнев, Н. И. Котомин, В. А. Маркесетти, Д. Е. Лейхтенберг, А.Е. Плотников, М. Г. Худяков); более 30 человек подверглись арестам, высылке, осуждены к заключению в период их работы в Библиотеке (Д. И. Абрамович, В. М. Андерсон, С. С. Безобразов, В. В. Бахтин, Л. Ф. Бенешевич, Ю. Н. Данзас, А. С. Изгоев (Ланде), С. М. Лукьянов, М. Л. Лозинский, А. А. Мейер, Н. В. Жигулевская, М. С. Платонова, Х.-З. Л. Черепов, В. А. Чудовский и др.).

В конце 1920-х гг., повсеместное распространение получила практика так называемых чисток. Наряду с деловыми качествами, проверялись социальное происхождение, политические настроения и т. д.; по итогам чисток некоторые сотрудники были уволены (Г. А. Дюперрон, Д. Г. Маггид, М. Н. Медведовская, О. К. Фохт, Д. Д. Шамрай и др.), другие понижены в должности (А. В. Грехова, М. Я. Майхровская и др.) или получили взыскания. Так, А. Н. Макарова имела взыскание за сокрытие в личном деле факта занятий на богословско-пастырских курсах, а через несколько месяцев ее уволили за опоздание на службу.

В результате всех этих мер Библиотека не только теряла ценных квалифицированных работников, но и страдала от болезненной, нервной обстановки, сопутствующей этим явлениям.

Нередко в формулировке скрывалась истинная причина увольнения. Сосланные увольнялись «в связи с выездом из Ленинграда», арестованные — «за невыход на работу». «По сокращению штатов» была уволена арестованная по делу Российского студенческого христианского движения С. Н. Бессонова, с такой же формулировкой уволена и Л. Ф. Бенешевич. При обсуждении вопроса об увольнении руководившего в Русском отделении работами по систематизации помощника библиотекаря Б. В. Титлинова, одновременно являвшегося профессором и ректором обновленческого Богословского института, на заседании Правления в августе 1928 г. Н. Я. Марр и М. В. Серебряков считали необходимым ясно указать, что увольнение связано

«с идеологическими расхождениями», однако в приказе фигурировало традиционное: «по сокращению штатов».

«Идеологические расхождения» принимались во внимание и при систематических сокращениях штатов, обусловленных сметой. Например, в начале 1929 г. списки намеченных к сокращению составлялись «на основании работ того или иного сотрудника, полезности данного сотрудника для Библиотеки, его пригодности к работе, материального положения и общественной работы». При обсуждении списка Н. Я. Марр также подчеркивал, что сокращения должны производиться с учетом, среди прочих факторов, «социального мировоззрения», правда, добавляя, что «само собой разумеется при этом, что сокращение должно быть вполне согласовано с требованиями Кодекса законов о труде»⁷⁴.

Правовой статус работников Библиотеки определялся общим законодательством о труде (в частности, «Кодексом законов о труде», принятом в декабре 1918 г.), а также актами самой Библиотеки. «Устав» 1918 г. содержал лишь некоторые правовые положения относительно библиотечных работников (о праве «учебной службы» по выходе на пенсию, о ежегодном двухмесячном отпуске). Обязанности библиотекарей устанавливались «Уставом» лишь в общей форме: «библиотекари отвечают за целостность книг, рукописей, эстампов и прочих принадлежностей, находящихся в вверенном им отделении».

Должностные обязанности библиотекаря вытекали из занимаемой им должности, конкретного участка работы, характера отделения и т. д. В условиях отделенческой системы, когда в некоторых отделениях работали по 1—2 сотрудника, им приходилось выполнять весь комплекс обязанностей, связанных с функционированием отделения. Разделение труда в какой-то мере достигалось лишь в крупных отделениях (Русское отделение, читальный зал и др.). Отвечая на замечания членов Библиотечной комиссии Главнауки относительно нечеткой дифференциации труда сотрудников, заместитель директора Библиотеки Ин. И. Яковкин говорил: «Четкой дифференциации труда в Библиотеке действительно, за исключением читального зала, не

введено. Но при небольших штатах, при отсутствии централизованной каталогизации такая специализация вредила бы делу, т. к. штатов оказалось бы весьма недостаточно. Между тем труд сотрудника, подготовленного к выполнению нескольких видов работ и сменяющего один вид работы другим, оказывается весьма продуктивным»⁷⁵. Сотрудники отделений широко привлекались на определенную часть рабочего времени для обслуживания читателей не только из-за нехватки штатов в самом читальном зале, но и для прохождения школы непосредственного контакта с читателями. С переходом в конце 1930 г. на функциональную структуру появились более широкие возможности дифференциации трудовых процессов и закрепления конкретных обязанностей для различных категорий работников.

Первое время после революции рабочий день библиотечных сотрудников продолжался 4 часа. Однако вскоре трудовым законодательством для работников умственного труда был установлен 6-часовой рабочий день. Для значительной части служащих, отнесенных к категории научных сотрудников (в том числе и библиотечных) и участвовавших в научной работе, понимаемой в весьма широком смысле, 6-часовой рабочий день мог разделяться на две части: 4 часа работы непосредственно в Библиотеке и 2 часа — дома. Исключение делалось для сотрудников читального зала, занятых на выдаче книг, «каковые ввиду особой напряженности их труда работают лишь 4 часа»⁷⁶.

<...>

Годы 1931—1945 — период активизации всей деятельности Библиотеки и вместе с тем сложный, противоречивый и во многом трагический отрезок в ее истории. Расширение масштабов работы диктовалось процессами интенсивного развития образования, науки, культуры, промышленности. В этой связи усилия библиотечных работников были направлены на то, чтобы предоставить читателям наибольшие возможности пользования книжными богатствами — путем открытия новых читальных залов, продления часов их работы (с 9 утра

до 24 часов вечера), организации дифференцированного обслуживания, справочной работы и т. п. В полтора—два раза увеличились посещаемость, книговыдача, число читателей. Изменился и их состав: несколько снизился удельный вес студентов, хотя вплоть до начала войны эта категория оставалась ведущей; заметно возросла доля научных работников и специалистов. Если в 1933 г. последние составляли 12,1 % общего числа читателей, то уже в 1936 г.— 25,6 %. Все бóльшее число библиотек вовлекалось в обслуживание книгами из фондов ГПБ по междубиблиотечному абонементу. В 1932 г. был возобновлен международный книгообмен; к 1935 г. в книгообменных операциях принимало участие около 650 зарубежных учреждений, что способствовало притоку в Библиотеку новой иностранной литературы. Серьезное внимание в эти годы было привлечено к разработке теоретических вопросов библиотековедения, положено начало крупным библиографическим работам, для содействия которым была организована специальная «группа плановой библиографии».

Стремление более эффективно участвовать в деле народно-хозяйственного строительства привело к принятию Библиотекой в начале 1930-х гг. технического или технико-экономического уклона, что проявилось в различных направлениях ее деятельности. Была изменена «прежняя установка» на универсальность комплектования, прежде всего в части иностранной литературы. Основной упор был сделан на выписку технической литературы, и уже в 1935 г. 48 % выписываемой иностранной периодики составили журналы по технике (против 12 % в 1930 г.)⁷⁷. Справочно-библиографическая работа также была переориентирована в этом направлении, стали выпускаться библиографические указатели по различным проблемам техники. В 1931 г. организуется новое, VI филиальное отделение Библиотеки — Областная техническая библиотека. Одновременно администрация Библиотеки высказывается против намечавшегося открытия в Ленинграде технической библиотеки Наркомтяжпрома, аргументируя свою позицию тем, что ГПБ «на базе своих богатых старых и новых фондов в состоянии обслуживать все

ленинградские фабрично-заводские библиотеки недостающими у них материалами»⁷⁸. Целенаправленные мероприятия по внедрению технического уклона вызывали настороженность как у многих сотрудников в самой Библиотеке, так и за ее пределами. В частности, комиссия Смольнинского райкома партии, проверявшая ГПБ в феврале 1933 г., указывала: «... учитывая универсальный характер Библиотеки, руководству ... обратить внимание на то, чтобы принятый для ГПБ технико-экономический уклон не привел к ослаблению работы в других наиболее важных областях знания»⁷⁹. При обсуждении этого вопроса в Наркомпросе противниками выступили директор ГБЛ В. И. Невский и другие сотрудники этой библиотеки. К середине 1930-х гг. вопрос о техническом уклоне был снят, но Библиотека продолжала и в последующие годы выделять в качестве приоритетного направления помощь научно-техническому прогрессу (консультации, обслуживание изобретателей, рабочих-рационализаторов, инженерно-технических работников и т. п.).

В 1930-е гг. бюджетные ассигнования на обеспечение деятельности Библиотеки постоянно возрастали, хотя при этом всегда были недостаточны. Определенную роль в преодолении финансовых трудностей сыграли специальные средства, образовавшиеся в результате выполнения платных работ. В 1931 г., особенно после речи И. В. Сталина на совещании хозяйственников, где он выдвинул известные шесть условий успеха хозяйственного строительства, в числе которых было внедрение хозрасчета, стремление к его реализации охватило не только хозяйственные организации. Публичная библиотека активно включилась в этот процесс с конца 1931 г. Первоначально хозрасчет касался чисто производственных подразделений (полиграфические мастерские, фотокабинет и т. д.). Для объединения разнообразных платных услуг, выполнявшихся по заказам различных учреждений, в декабре 1931 г. организуется Бюро обслуживания. Полученные средства направлялись на хозяйственные и библиотечные нужды. В Наркомпросе даже считали, что «при хорошем хозяйственном взгляде Библиотека могла бы получать еще больше», если бы не неправильная

политика администрации, полагавшей «зазорным продавать книги для пополнения библиотек различных учреждений»⁸⁰. В том же году начался — зачастую довольно искусственно — переход на хозрасчет и некоторых чисто библиотечных подразделений и групп, сопровождавшийся переводом сотрудников на различные формы сдельной оплаты труда.

Директор Библиотеки А. Х. Вольпер, вступивший в должность в 1936 г., после ознакомления с положением дел отмечал: «Недостаточные бюджетные ассигнования, перенесение ряда жизненно необходимых и библиотечно-научных работ на спецсредства превращают зачастую отдельные чрезвычайно важные участки работы Библиотеки (отдел внешних работ, консультационно-библиографические работы) в коммерческие предприятия по выкачиванию средств»⁸¹. Отказавшись от внедрения внутреннего хозрасчета в библиотечных подразделениях, Библиотека, однако, сохранила хозрасчетные начала в отделе внешнего обслуживания, типографии, фотолаборатории; ряд платных работ выполнял справочно-библиографический отдел.

Как и в прежние годы, наиболее сложной оставалась проблема производственных площадей. Рост фондов и масштабов обслуживания читателей, увеличение штата сотрудников все более обостряли ситуацию. Десятки тысяч книг оставались неразобранными и необработанными; ухудшалось состояние основных фондов. В докладной записке главного инспектора Наркомпроса от 1934 г. отмечалось, что «ни одного решения ленинградских партийных и советских организаций о работе ГПБ нет. Библиотека многие годы вне их внимания, никто из руководящих работников даже не посетил ее»⁸². Это упрек в известной мере мог быть обращен и в адрес самого Наркомпроса.

Во всех основных областях деятельности Библиотеки — в работе с кадрами, читателями, фондами и т. д. — в рассматриваемый период на первый план выдвигаются политические и идеологические подходы. Приказом директора от 3 июня 1931 г. всем сотрудникам, не посещавшим занятий политкружков, предлагалось подготовиться к устным испытаниям «в пределах

курса политграмоты партшколы»⁸³. Политическая грамотность рассматривалась как важнейшее условие обеспечения «активной и сознательной роли библиотекаря в обслуживании читателя»⁸⁴. Усилился политический контроль за составом книжных фондов, содержанием справочного аппарата. Помимо изъятия из обращения и передачи в спецхран книг на основании приказов Главлита, предпринимались и собственные дополнительные меры по чистке фондов. Так, в январе 1932 г. предписывалось «изъять из массового пользования в филиалах и в библиотеке главного читального зала все издания, выявленные и выявляемые во время проверки идеологического фронта на основе письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», произвести проверку систематического каталога читального зала и изъять сведения о соответствующих книгах»⁸⁵. Литература и иллюстративные материалы, представляемые на книжных выставках, предварительно проверялись спецотделом; а само открытие выставок санкционировалось «исключительно после их просмотра спецотделом»⁸⁶ в окончательном виде. Была прекращена приемка книг в резервный фонд, впредь она могла производиться в «особых случаях» и «только с разрешения в каждом отдельном случае» органами Главлита⁸⁷, что было призвано предотвратить поступление в Библиотеку «вредной» литературы из частных и других собраний. Всем сотрудникам запрещалось «давать какую-либо информацию для прессы и радио о работе Библиотеки, помимо заведующего отделом массовой работы»⁸⁸.

В 1930-е гг. стали нередкими случаи увольнения работников по политическим мотивам — исключение из партии, принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции, несоответствие задачам Библиотеки как идеологического учреждения и по другим подобным основаниям, не предусмотренным Кодексом законов о труде. За распространенной формулировкой увольнения «ввиду невыхода из отпуска» иногда стоял факт ареста сотрудника. В выступлениях руководителей Библиотеки перед коллективом, особенно со второй половины 1930-х гг., все чаще

подчеркивалась мысль об опасности аполитичности, звучали призывы к бдительности, к борьбе с политической беспечностью — в соответствии с высказыванием Сталина о том, чтобы трудящиеся, на предприятиях и в учреждениях которых не выявлены враги, не думали, что их там нет⁸⁹. Такие призывы раздавались на фоне уже начавшихся репрессий, порождали атмосферу тревоги, подозрительности, что отражалось на всей работе. Репрессии нанесли тяжелый урон Библиотеке. Более 60 сотрудников в 1930-е гг. подверглись различного рода репрессиям (ссылка, тюремное заключение, исправительно-трудовые лагеря и т. п.), из них 13 человек были расстреляны (В. Н. Бенешевич, И. В. Вавулина, Ш. Н. Гельбо^{4a}, Г. Е. Горбачев, М. М. Добраницкий, И. М. Карила, Н. И. Котомин, А. П. Лан, Д. Е. Лейхтенберг, К. Н. Лукницкий, И. Ф. Мазин, В. А. Маркетти, И. А. Мериц, М. И. Тульп).

Тяжелейший урон Библиотеке, ее коллективу причинили годы войны и блокады города. С первых дней Великой Отечественной войны Библиотека приступила к перестройке всей деятельности на военный лад (содействие решению выдвинутых войной научно-технических проблем, обслуживание Красной армии, военно-патриотическое воспитание населения). Острейшей стала и задача сохранения фондов Библиотеки, ее зданий. Переход к работе в новых условиях осуществлялся в чрезвычайно трудных обстоятельствах. Более 50 человек вскоре после начала войны ушли в армию и народное ополчение. С 31 июня 1941 г. начались увольнения в связи с эвакуацией жителей города. Всего до конца года уволилось 247 человек. К середине 1942 г. личный состав сократился в 4 раза. Особенно тяжелые потери понес коллектив в зимний период 1941—1942 гг., когда умерли от голода и истощения более 130 человек, многие из них — на рабочем месте. Спасение сотрудников стало важнейшей задачей; в решении ее немалую роль сыграла организация в здании Библиотеки стационара для ослабевших и больных сотрудников, обслужившего почти 200 человек. Подавляющую часть коллектива составляли женщины, и впервые в истории Библиотеки директором ее стала женщина — Е. Ф. Егоренкова, самый

молодой из всех директоров за всю историю существования учреждения.

Решать многочисленные неотложные внутрибиблиотечные проблемы приходилось параллельно с участием в различных работах по обороне Ленинграда. 8 июля 1941 г. первая группа из 113 человек выехала за город на рытье окопов. За 5 военных месяцев 1941 г. ежедневно работали вне Библиотеки в среднем 46—47 человек (такое положение сохранялось и в последующий период). Более 20 сотрудников Библиотеки одновременно вели работу в госпиталях в качестве медсестер, уборщиц. 102 члена команды МПВО, организованной в первые дни войны, были переведены на казарменное положение и совмещали выполнение своих библиотечных функций с обеспечением круглосуточного дежурства на крыше, тушением зажигательных бомб, оказанием медицинской помощи людям, пострадавшим вблизи Библиотеки от разрывов бомб и снарядов.

С началом войны первоочередной стала проблема спасения книжных и рукописных фондов. 17 июля 1941 г. была завершена двухнедельная круглосуточная работа по подготовке наиболее ценных коллекций к эвакуации, и 20 июля первый эшелон отправлен в Мелекес, где в течение 4 лет небольшая группа библиотекарей Мелекесского отделения обеспечивала сохранность вывезенных фондов, а в октябре 1945 г. осуществляла их реэвакуацию. Еще бóльший комплекс работ предстояло выполнить, чтобы сберечь оставшиеся в городе книжные богатства (перемещение фондов и каталогов в нижние этажи и подвалы; закрытие окон мешками с песком; заполнение чердаков огромным количеством песка для предотвращения пожаров). В результате воздушных налетов и артобстрелов в главном здании были выбиты почти все стекла, повреждена крыша и перекрытия. Уже в октябре 1941 г. температура в помещениях, где обслуживались читатели, доходила до минус 2—5 градусов. В январе 1942 г. в Библиотеке не стало электрического освещения, не работали водопровод и отопление. Для читателей функционировал один читальный зал, а в 1942 г. их переместили уже в кабинет директора и столовую, однако обслуживание не прекращалось ни на один день. Все другие работы, не

имевшие отношения к обслуживанию читателей, в феврале—марте 1942 г. были свернуты.

Условия военного времени и длительной блокады создавали чрезвычайные трудности в текущем пополнении фондов. В сентябре—октябре 1941 г. прекратились поступления обязательного экземпляра из центральных и периферийных издательств. Усилиями библиотекарей удалось обеспечить получение всех ленинградских изданий. Одной из «ударных работ» стало начавшееся осенью 1941 г. формирование коллекции изданий «Ленинград в Великой Отечественной войне», куда направлялись все виды печатной продукции города, Ленинградского фронта, Балтийского флота, партизанских соединений — книги, брошюры, журналы, газеты, плакаты, листовки, афиши, пригласительные билеты, продовольственные карточки и т. п.

Сотрудники Библиотеки сыграли неоценимую роль и в спасении книжных и рукописных ценностей, находившихся в личных коллекциях ленинградцев. Эвакуация и смерть от голода многих тысяч горожан, разрушение жилищ породили сотни бесхозных собраний; нередко и сами владельцы в 1941—1942 гг. просили принять в дар свои библиотеки. Группа работников во главе с М. В. Машковой выявила сотни собраний, оставшихся без присмотра и обреченных на гибель. «Работники Публичной библиотеки,— говорила в своем выступлении по радио в 1942 г. О. Ф. Берггольц,— не дали погибнуть осиротевшим, оставленным без защиты книгам: на саночках, а весной в детских мальпостах, совершая огромные концы пешком, качаясь от слабости и тяжелого груза, возили они выморочные библиотеки в свой фонд и спасли для будущих поколений сотни, тысячи книг, рукописей, архивов»⁹⁰. Часть книг влилась в основные фонды, в их числе были даже отсутствовавшие ранее в Библиотеке экземпляры (4614 ед.), часть поступила в запасные фонды, остальные — в новый резервный фонд, предназначенный для пополнения библиотек на освобождаемых от оккупации территориях⁹¹.

С конца 1942 г. началось некоторое оживление в деятельности Библиотеки. В ноябре 1942 г. состоялась научная сессия, посвященная

тематике, порожденной войной; с начала 1943 г. возобновились заседания секций Кабинета библиотековедения. В 1942—1943 гг. проводились обследования библиотек города; предпринимались меры помощи в подготовке библиотечных работников военно-морских библиотек и библиотек районных парткабинетов; с 1944 г. начали вновь функционировать курсы общебиблиотечной подготовки сотрудников самой Публичной библиотеки. В этом же году возобновила работу аспирантура. За 1944 г. число читателей увеличилось более чем в 10 раз по сравнению с 1943 г., изменился и их состав, в частности в связи с возобновлением работы многих вузов. 1 ноября 1944 г. после ремонта, в котором активно участвовали и библиотекари, был открыт общий читальный зал. С этим крупным событием в культурной жизни города Библиотеку поздравил, в числе других, президент Академии наук СССР В. Л. Комаров⁹². 15 марта 1945 г. открылся читальный зал для научных работников. В целом 1944—1945 гг. стали периодом восстановления всех основных участков работы Библиотеки.

Деятельность Библиотеки базировалась на общих нормативных актах, касающихся научных и культурно-просветительных учреждений, и приказах Наркомпроса. Отдельные немногочисленные акты относились непосредственно к Публичной библиотеке. Так, 27 апреля 1932 г. Президиум ЦИК СССР присвоил Библиотеке имя М. Е. Салтыкова-Щедрина, и с этого времени она именовалась не Государственной Публичной библиотекой в Ленинграде, а Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Постановлением Совнаркома РСФСР от 3 мая 1932 г. «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР» вновь был подтвержден статус Библиотеки как научного учреждения⁹³, а в 1934 г. Госплан РСФСР перевел ее «в разряд ударных научно-исследовательских учреждений»⁹⁴. 14 января 1939 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Библиотека награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Основной нормативной базой функционирования Библиотеки являлось «Положение о Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде»,

утвержденное Наркомпросом 9 мая 1929 г.⁹⁵. К 1930-м гг. оно все более отставало от изменившихся условий, задач и форм деятельности Библиотеки. Не случайно начиная с 1931 г. предпринимались неоднократные попытки разработки нового устава (так и не завершившиеся его принятием), призванного отразить новую структуру Библиотеки, ее новые задачи, новое соотношение органов управления ею. «Положение» 1929 г. устанавливало принцип единоначалия в управлении, но вместе с тем содержало формулировку, что «руководство Библиотекой возлагается на директора и правление»⁹⁶. Однако с начала 1930-х гг. Правление как орган руководства потеряло свое значение, уступив функции созываемым время от времени собраниям при директоре по отдельным вопросам. Предусмотренный там же «Положением» Ученый совет, создававшийся «для всестороннего освещения и обсуждения вопросов научной жизни в Библиотеке», для рекомендации кандидатов на должность директора и «ответственные библиотечные должности», собрался только один раз. На его место выдвинулся другой орган с более широкими полномочиями, а именно Общественно-политический совет, который был учрежден летом 1931 г. Направляя на согласование в обком партии список членов нового совета, директор Библиотеки подчеркивал, что Ученый совет «ни по своему составу, ни по своим задачам» не соответствует в настоящий момент целям обслуживания нужд социалистического строительства, т. к. «его ведению подлежат» лишь вопросы «внутрибиблиотечного порядка»⁹⁷. В компетенцию нового органа входило рассмотрение планов и отчетов Библиотеки, обсуждение всех внутренних аспектов ее работы, а также вопросов, связанных с удовлетворением нужд промышленности и сельского хозяйства, продвижением в рабочие массы технических знаний и др. Общественно-политический совет состоял, помимо работников Библиотеки, из представителей облпрофсовета, Союза воинствующих безбожников, облсовнархоза, заводов «Красный треугольник» и «Красный путиловец», Комакадемии, БАН и др. Но общественность города, как отмечалось в отчете за 1931 г., «слабо реагировала на приглашение Библиотеки,

своих представителей делегировали менее половины организаций, на первом заседании в декабре 1931 г. были представлены лишь 6 организаций»⁹⁸. Не сыграв какой-либо роли в жизни Библиотеки, Общественно-политический совет также прекратил свою деятельность, а Ученый совет не был возрожден.

В августе 1943 г. Наркомпрос предложил Библиотеке разработать проект нового устава. С этой целью была создана специальная комиссия (Н. П. Басов, А. А. Громова, Ю. А. Меженко, С. А. Рейсер, Л. С. Франкфурт), закончившая работу к началу 1944 г. В этом проекте ГПБ впервые определялась как «национальная Публичная библиотека народов Советского Союза» — центральное государственное хранилище, «с одной стороны, полностью всех видов произведений печати народов СССР, в особенности русской печати и литературы о России, а с другой — всех видов произведений печати на всех иностранных языках по основным вопросам науки, техники и искусства», а также хранилище рукописных материалов. Одновременно в проекте содержалось положение о том, что Библиотека является научно-вспомогательным учреждением во всех областях знания и самостоятельным исследовательским учреждением в области библиотековедения, библиографии и книговедения. Наряду с утверждением, что «общее руководство всей деятельностью Библиотеки осуществляется директором в порядке единоначалия», проект отводил важную роль и Ученому совету, вновь учреждавшемуся «для предварительной разработки и решения важнейших вопросов работы Библиотеки». К функциям Совета относилось также присуждение ученых званий и ученых степеней на основе защиты в его заседаниях диссертаций по библиотековедению, библиографии и книговедению. В проекте закреплялась сложившаяся структура Библиотеки, оговаривались условия замещения отдельных должностей, отражались новые области деятельности и т. д.⁹⁹ Этот проект также не получил утверждения, возможно, по причине передачи в марте 1945 г. Библиотеки в ведение нового руководящего органа — Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при правительстве РСФСР¹⁰⁰.

Действующая с конца 1930 г. функциональная структура Библиотеки принципиальных изменений в рассматриваемый период не претерпела. Функциональные отделы с мая 1931 г. в соответствии с утвержденной Наркомпросом типовой схемой структуры научных библиотек стали именоваться секторами (впоследствии произошло возвращение к прежним наименованиям). Однако, не меняясь по существу, организационная структура нуждалась в приведении ее в соответствие с новыми масштабами и направлениями деятельности Библиотеки. В 1934 г. эти вопросы стали предметом дискуссий на партийных собраниях, заседаниях бюро секций научных работников, собраниях заведующих отделами и т. п.¹⁰¹ Некоторые из рекомендаций были претворены в жизнь. Так, отделы хранения и обслуживания в апреле 1934 г. были преобразованы в единый Отдел фондов и обслуживания (ОФО). До того самостоятельные отделы картографии, эстампов, нот были также включены в ОФО в качестве групп, часто продолжая, впрочем, именоваться отделами. В ОФО была передана и газетная группа отдела обработки; в 1938 г. при ней открыт читальный зал на 50 мест, где стали сосредотачиваться все отечественные, а затем и иностранные газеты. Примерно такие же изменения произошли и в обслуживании журналами. В феврале 1939 г. группы старой и новой периодики после объединения образовали Журнальный отдел в составе ОФО; при отделе работал свой читальный зал¹⁰². В эти же годы в ОФО сформировалась группа гигиены книги. Посетивший в 1934 г. Библиотеку, нарком просвещения А. С. Бубнов весьма резко осудил невнимание администрации к состоянию фондов и обеспечению их сохранности, после чего за счет штатов различных отделов в том же году была организована группа для очистки фондов от пыли и плесени, а в 1936 г. — реставрационные мастерские. На эту группу, именовавшуюся в различных документах отделением, подотделом, сектором, возлагались наблюдение за состоянием фондов, температурой и влажностью в хранилищах; выявление, регистрация и изоляция поврежденных экземпляров книг; дезинфекция, реставрация, а с 1940 г. — и обеспечение переплетных работ. Последствия

войны и блокады усугубили эти проблемы; ощутимой стала потребность в научном обосновании мер борьбы с разрушениями печатных материалов. В 1944 г. был осуществлен прием в аспирантуру Библиотеки по этой специальности сразу трех выпускников университета; позднее создана своя исследовательская лаборатория.

Важным направлением в улучшении обслуживания читателей стало в 1930-е гг. дальнейшее развитие системы читальных залов. Помимо главного читального зала, переименованного в 1935 г. в Общий читальный зал (ОЧЗ); был открыт специальный Читальный зал для научной работы; в 1939 г. создан второй Читальный зал для научных работников (НЧЗ). Как в ОЧЗ, так и в НЧЗ с целью налаживания дифференцированного обслуживания были образованы группы по отраслевому признаку. Эти залы вместе с газетным и журнальным залами ОФО и залами других отделов и филиальных отделений позволяли достаточно эффективно удовлетворять самые разнообразные читательские запросы.

К концу 1930-х гг. ОФО стал самым крупным и в то же время довольно громоздким отделом. Это обстоятельство неоднократно порождало предложения о выделении из него некоторых подразделений, исходившие в том числе и от представителей читательской общественности. Так, в начале 1940 г. с ходатайством об организации самостоятельного Музыкального отдела на базе нотной группы обратились в дирекцию композиторы Б. В. Асафьев, И. И. Держинский и др. Аналогичные письма поступали и относительно Отдела эстампов¹⁰³. Однако эти обращения остались без внимания. (Заметим, что комплексные отделы картографии, газет, эстампов, нот, гигиены и реставрации книг в качестве самостоятельных сформировались лишь в послевоенные годы.)

В 1934 г. из состава ОФО было выделено и отдано в непосредственное ведение дирекции бюро обслуживания, занимавшееся платными работами. В декабре 1935 г. в числе нефункциональных отделов образован самостоятельный Отдел внешних работ; с 1 июля 1939 г. он был переведен на

полный хозрасчет — с выделением из бюджета и штатов Библиотеки — и получил название Отдела внешнего обслуживания (ОВО)¹⁰⁴.

В 1930-е гг. возникли и другие новые отделы. Существовавшая сначала в Отделе обслуживания, а затем переданная в Консультационно-библиографический отдел (КБО) группа научно-массовой работы в январе 1936 г. преобразована в самостоятельный Научно-массовый отдел¹⁰⁵. Наряду с организацией выставок, на Массовый отдел возлагалось методическое руководство всей экскурсионной работой, осуществлявшейся и другими отделами Библиотеки, для чего при нем создано экскурсионное совещание, занимавшееся обсуждением организационных и методических вопросов¹⁰⁶.

Секретный фонд, где хранились русские издания, изъятые из общего пользования, и «спецхрана» с аналогичным собранием иностранных изданий были объединены, и таким образом в июле 1936 г. «в целях упорядочения хранения, обработки и пользования русским секретным фондом и спецхраной» был образован спецотдел¹⁰⁷ (впоследствии Отдел специального хранения — спецхран).

Выход в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» и последовавшая за этим кампания вовлечения всех слоев населения в изучение истории партии и трудов классиков марксизма-ленинизма заставили и Библиотеку определить свое место в этом направлении. В 1939 г. создан Отдел классиков марксизма-ленинизма с читальным залом и консультационным пунктом при нем. В его функции входила «помощь кадрам советской интеллигенции в деле самостоятельного изучения марксизма-ленинизма, истории ВКП(б), помощь в научно-исследовательской работе по истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, методико-библиографическая помощь библиотекам в их работе с марксистско-ленинской литературой»¹⁰⁸. В фонды отдела предполагалось передать все издания и переводы произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, включая номера периодических изданий с первыми публикациями их работ, издания партийных документов и т. д. Во время войны отдел не функционировал, а в послевоенный

период не возрождался.

С начала 1930-х гг. существенно выросли масштабы научно-исследовательской и научно-библиографической работы, осуществляемой в разных отделах Библиотеки; какого-либо специального структурного подразделения в этой области не существовало. Возникшие в 1925 г. научные совещания, занимавшиеся рассмотрением докладов по вопросам библиотековедения и проблемам деятельности самой Библиотеки, были ликвидированы. С целью возрождения и активизации их работы в декабре 1935 г. было принято специальное положение о постоянном научном совещании «для обсуждения всех основных вопросов научно-технической деятельности» Библиотеки¹⁰⁹. Впрочем, заметного влияния на библиотечные процессы эти совещания не имели. Определенная роль в координации научной и библиографической работы подразделений возлагалась на Планово-производственный отдел, организованный в мае 1932 г. Отдел совмещал чисто административные функции (планирование, контроль исполнения и т. д.) с задачами руководства в области научной и научно-библиографической деятельности, но никаких видимых результатов его работа не принесла; по предложению Наркомпроса в 1934 г. он был упразднен.

Публичная библиотека в 1930-е гг. являлась учреждением, на которое возлагались задачи координации деятельности научных библиотек Ленинграда и организации им методической помощи. С этой целью в 1932 г. Наркомпрос учредил Ленинградское отделение Библиотечного сектора Наркомпроса в составе представителей некоторых научных библиотек города и самого Наркомпроса (М. И. Рудомино); председателем назначен директор ГПБ М. М. Добраницкий¹¹⁰. Однако этот орган быстро изжил себя. Более плодотворной оказалась деятельность различных объединений и ассоциаций специальных библиотек (технических, социально-экономических, педагогических, сельскохозяйственных, библиотек по искусствоведению и истории материальной культуры, а также справочных отделов), функционировавших при Публичной библиотеке.

Схожие задачи предполагалось возложить на Кабинет библиотековедения, который должен был открыться в 1936 г. при Массовом отделе и взять на себя функции: «а) центра библиотечно-консультационной работы по обслуживанию научных и специальных библиотек и сотрудников ГПБ, б) основной ячейки по научной разработке библиотековедческих вопросов»¹¹¹. Тогда замысел остался нереализованным. 5 апреля 1938 г. был издан приказ об организации Кабинета как самостоятельного структурного подразделения. В его обязанности входили: учет, изучение и обобщение опыта работы библиотек; обмен опытом с другими библиотеками; подготовка и переподготовка библиотечных работников на базе Высших курсов библиотековедения, аспирантуры и всей сети повышения квалификации работников Библиотеки; помощь в проведении научных исследований по библиотечной тематике¹¹². «Положением» о Кабинете библиотековедения предусматривалось сосредоточение при нем фондов справочной литературы по библиотековедению; подготовка указателей текущих советских и иностранных библиотековедческих публикаций; определялись формы работы (организация секций и т. д.)¹¹³. Перечень секций со временем менялся, но их заседания, помимо обслуживания читателей соответствующей литературой и консультаций, оставались главной формой работы Кабинета, начавшего успешно функционировать в 1939 г. Наиболее слабым звеном в работе Кабинета оказалась методическая помощь библиотекам города. В годы войны Кабинет на некоторое время был закрыт, но уже в 1942—1943 гг. его сотрудники приняли участие в обследовании библиотек города, а с марта 1943 г. возобновились и заседания секций. После войны Кабинет, именовавшийся в обиходе и некоторых документах Отделом библиотековедения, послужил основой создания такого отдела, давшего впоследствии жизнь ряду исследовательских подразделений Библиотеки.

Помимо создания новых отделов и указанных выше изменений в структуре Отдела фондов и обслуживания, некоторые организационные новшества затронули и другие отделы. В Справочно-библиографическом

отделе, штат которого увеличился в несколько раз, были выделены отраслевые группы обслуживания читателей (социально-экономическая; литературы, языкознания и искусства; естественных наук и медицины; физико-математических наук и техники) и группа плановых библиографических работ. В марте 1932 г. утверждено «Положение о справочной библиотеке», согласно которому из основных фондов выделялись все справочные издания, формировавшие центральную справочную библиотеку (ЦСБ) СБО¹¹⁴. Изменения в Отделе комплектования (ОК) касались в основном перечня групп и числившихся в его составе резервного, обменного и дублетного фондов. В 1936 г. Библиотеке был передан Государственный книжный фонд (в Ленинграде) Книжной палаты. Первоначально он действовал как самостоятельное подразделение Библиотеки со своим штатом и бухгалтерией, с января 1937 г.— как филиал под названием Резервный фонд (полностью совпадавшим с названием собственно фонда ГПБ). Вскоре он был включен в состав Отдела комплектования и в последующие годы неоднократно преобразовывался. В период войны, когда в Библиотеку поступало немало бесхозных собраний, на их основе был создан еще один, новый резервный фонд¹¹⁵, главным назначением которого была помощь в восстановлении пострадавших библиотек. В 1938—1939 гг. при ОК были образованы комиссии: закупочно-экспертная; по иностранному комплектованию; по определению дефектности и исключению книг из библиотечных фондов.

В связи с ростом поступлений печатной продукции, трудоемких процессов по созданию генеральных каталогов значительно увеличился штат Отдела обработки, в его структуре возникли новые группы. С 1 января 1939 г. отдел был переименован в Отдел каталогизации, а в мае 1940 г. из его состава — «в целях ликвидации отставания систематического каталога от требований, предъявляемых ему в деле раскрытия фондов Библиотеки»,— был выделен в качестве самостоятельного Отдел систематизации и предметизации¹¹⁶. В годы войны отделы вновь объединились; в послевоенные годы — некоторое время существовали как самостоятельные и затем были реорганизованы в единый

Отдел обработки и каталогов (ООиК).

Отдел рукописей существенных изменений не претерпел. В сентябре 1933 г. возник вопрос о целесообразности «особого хранения книг, имеющих автографы известных политических деятелей, ученых, писателей и т. д.»,— такие издания было решено передать в Рукописный отдел из основных фондов¹¹⁷, но эта мера в жизнь не была проведена. В 1936 г. в состав Отдела рукописей был включен кабинет инкунабулов, альдов и эльзевиров (Кабинет Фауста). В послевоенный период на его базе был создан новый Отдел редкой книги, функционировавший ряд лет, а затем вновь влившийся в Отдел рукописей в качестве сектора.

Образование СССР, рост книгоиздания на языках союзных республик привели в свое время к созданию Отдела национальностей (Отдел национальных литератур — ОНЛ) на базе бывшего Восточного отделения, в состав которого еще с 1925 г. началась растянувшаяся на многие годы передача изданий, напечатанных русским шрифтом на языках народов СССР. В феврале 1935 г. в ОНЛ влилось на правах группы Еврейское отделение. Структурно ОНЛ состоял из групп: газет; обслуживания; групп по языковому признаку. В послевоенный период ОНЛ разделился на два самостоятельных отдела — Отдел литературы на языках народов СССР (ОНЛ) и Отдел литературы на языках стран Азии и Африки (ОЛСАА).

Система филиальных отделений, сформировавшаяся после революции, продолжала функционировать и в рассматриваемый период вплоть до послевоенного времени. Происходившие здесь процессы не влияли на деятельность системы в целом. Наметившаяся тенденция к увеличению числа филиалов вызывалась стремлением расширить возможности обслуживания читателей разных категорий за счет привлечения дополнительных производственных площадей.

В первую очередь перемены коснулись I (Антирелигиозного) филиала, располагавшего огромным фондом, филиал не смог обеспечить выполнение возлагавшихся на него, согласно названию, задач, поскольку антирелигиозная

литература составляла ничтожную часть фонда, все остальное — приходилось на долю собственно религиозных изданий. В этой связи руководители Библиотеки заняли вполне определенную позицию: «быть хранителем культов... никуда не годится», и, если положение не изменится, отделение «можно закрывать»¹¹⁸. В войну деятельность отделения прекратилась и после войны не возобновлялась.

II филиал, получивший название Библиотека народного хозяйства, с начала 1930-х гг. был ориентирован на обслуживание работников плановых органов и учреждений города и области и с 1932 г. именовался Библиотекой местного хозяйства. В 1931 г. за счет выделенной из фондов технической и экономической литературы было организовано просуществовавшее недолго IV филиальное отделение (Областная техническая библиотека). В годы войны филиал продолжал работать, сосредоточившись в основном на создании коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне». В 1946 г. он прекратил существование, его книжные собрания вошли в состав основных фондов Библиотеки.

III филиал (Библиотека молодежи), находившийся в Шуваловском особняке, постепенно сворачивал обслуживание читателей из-за сокращения производственных площадей вследствие того, что в этом же здании разместились Дом печати и техникум печати. Переведенный в Главное здание, III филиал с 1931 г. стал опорной базой обкома ВЛКСМ, методическим центром комсомольского политпросвещения, а будучи переименован в Областную комсомольскую библиотеку, превратился, в сущности, в методкабинет обкома комсомола. Эти преобразования резко снизили показатель посещаемости и вызвали крайне негативное отношение Наркомпроса; в соответствии с приказом последнего 15 мая 1934 г. филиал был ликвидирован.

Первое место по числу посетителей занимал IV филиал — Библиотека иностранной литературы, обслуживавший читателей как в зале, так и на абонементе. В него частично поступали издания по обязательному экземпляру (переводы на русский язык иностранных авторов и учебники по иностранным

языкам), активно осуществлялось и собственное комплектование иностранной литературой. Однако со второй половины 1930-х гг. обозначился упадок в деятельности филиала; его работники перестали привлекаться к участию в комплектовании своих фондов; снизился уровень владения иностранными языками; часто сменялись заведующие и сотрудники, в том числе в результате репрессий. Событием, положившим начало ликвидации отделения, стала передача в его фонды части трофейных книг. Последовали «письма читателей» в горком партии с требованием изъять «вредную» литературу, после чего в 1943 г. был ликвидирован абонемент, а вскоре закрыт и сам филиал. В декабре 1946 г. решением Комитета по культурно-просветительным учреждениям при Совете Министров РСФСР филиал был ликвидирован, его фонды слиты с основными фондами Библиотеки.

V филиал — Дом Г. В. Плеханова, совмещавший в себе функции библиотеки, архива, музея и научного учреждения, в 1930-е гг. широко развернул публикаторскую работу, подготовив и издав в 1934—1949 гг. 8 томов сборника «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (под редакцией А. В. Луначарского, М. Г. Иовчука, П. П. Юдина, Д. В. Кретьева, Р. М. Плехановой). Это — единственный филиал, сохранившийся до настоящего времени; в послевоенное время преобразован в сектор Отдела рукописей.

В 1930-е гг. Библиотека продолжала практику создания новых филиальных отделений, носивших преимущественно характер массовых библиотек. В 1931 г. по договору с Ленинградским совнархозом и Домом технической пропаганды на базе последнего организуется VI отделение — Центральная областная техническая библиотека. Перед ним ставилась задача обслуживания инженерно-технических работников, повышающих свою квалификацию. На службу в отделение были переведены 8 сотрудников Библиотеки, выделены книжные фонды из II филиала, а часть текущих расходов брал на себя Совнархоз. Последний своих обязательств не выполнил, и во второй половине 1932 г. работа филиала была свернута. Однако идея

подобного подразделения продолжала жить, и в конце 1932 г. Библиотека заключила договор с Дворцом культуры им. С. М. Кирова о совместном обслуживании книгой рабочих и инженерно-технического персонала. Новый, VI филиал открылся в январе 1934 г.; ему были переданы фонды прежнего филиала, дальнейшее пополнение фонда возлагалось на Дворец культуры. Сотрудниками филиала стали работники Публичной библиотеки и Дворца культуры. С началом войны деятельность филиала прекратилась, а в послевоенные годы не возобновлялась.

Откликаясь на призыв советских и партийных органов оказать помощь в устройстве Дворца пионеров в Аничковом дворце, Библиотека организовала в 1937 г. VII филиальное отделение, выделив из своих фондов соответствующую литературу (в том числе и из обязательного экземпляра) и необходимый штат сотрудников; требования читателей филиала выполнялись также по МБА из основных фондов ГПБ.

В 1939 г. в ЦПКиО им. С. М. Кирова Библиотека открыла VIII филиал, ориентированный на обслуживание членов Клуба советской интеллигенции при ЦПКиО, а также отдыхающих в оздоровительных учреждениях, расположенных на Кировских островах.

В том же году в с. Дубровно Порховского района Ленинградской области (ныне Псковской) начал работу Колхозный филиал (получивший III порядковый номер) с фондом около 10 тыс. книг, в дальнейшем пополнявшимся через коллектор массовых библиотек. К концу 1940 г. число его читателей достигло 850 человек, намечалось открытие 10 передвижных библиотек. С началом войны эти три филиала (VII, VIII и III) прекратили существование.

Дважды (в 1940 г. и 1944 г) предпринимались попытки преобразования известной городской библиотеки в Выборге в филиал Публичной библиотеки. После окончания советско-финляндской войны в 1940 г. в Выборг была направлена группа сотрудников Библиотеки (Н. П. Никольский, С. А. Рейсер и др.) для возобновления работы библиотеки и изучения возможности

превращения ее в филиальное отделение ГПБ. Однако тогда она открылась в качестве центральной библиотеки Карело-Финской ССР; ее директором стал Н. П. Никольский. После освобождения Выборга в ходе Великой Отечественной войны в декабре 1944 г. идея филиала возникла вновь, но и на этот раз она оказалась нереализованной.

Таким образом, введенная в конце 1930 г. новая организационная структура Библиотеки, основу которой составляли функциональные отделы, оставалась в принципе неизменной. К концу 1930-х гг., наряду с преимуществами этой структуры, выявились и некоторые негативные ее последствия (отрыв работников сферы обслуживания от фондов, а работников последних — от читателей и их потребностей; утрата интереса представителей отраслевых наук к работе в Библиотеке, построенной на владении узко профессиональными знаниями в области библиотечного дела).

Необходимость структурной перестройки остро ощущалась администрацией Библиотеки, выступившей с планами реконструкции. Рассчитанные на длительные сроки и неременное расширение производственных площадей, эти планы предусматривали отраслевую расстановку фондов; создание — на базе отраслевых групп читальных залов — отраслевых отделов. В отраслевых отделах предполагалось сосредоточить фонды; обслуживание читателей; справочно-библиографическую службу; каталогизационные процессы и сами каталоги и т. д. При этом инициаторов перестройки не смущал тот факт, что в мировой практике нет соответствующих аналогов, что ни одна из крупных зарубежных библиотек не строит свою работу по отраслевому принципу¹¹⁹. Функциональные отделы (комплектования, каталогизации, ОФО и др.) также сохранялись, но их задачи были сужены и сводились преимущественно к методическому руководству библиотечными процессами. В августе 1940 г. Наркомпрос разрешил Библиотеке приступить к разработке детального плана реконструкции на указанных принципах — с условием сохранения универсальности и целостности книжного фонда, системы генеральных каталогов, единства форм и методов обработки и

хранения фондов¹²⁰. 1 января 1941 г. Библиотека сделала первый шаг в реализации намеченных планов, а именно: ввела систематическую расстановку текущих поступлений. Начало войны прервало дальнейшее осуществление плана, и в последующие годы к нему уже не возвращались.

Закрепленная «Положением» о Библиотеке 1929 г. номенклатура штатных должностей библиотечного персонала до августа 1944 г. изменений не претерпела. Сохранялись должности заведующих отделами, главных библиотекарей (в этой должности состояла и большая часть заведующих), библиотекарей 1-го и 2-го разрядов; помощников библиотекарей. Имелась и штатная должность консультанта — в их привлечении Библиотека была особенно заинтересована в связи с принятием технического уклона. Консультанты трудились главным образом в качестве совместителей, но пользовались всеми правами штатных работников (отпуска, зарплата на уровне главных библиотекарей и т. д.). В 1931 г. их число составляло 8 человек, в 1932—1934 гг. — 10, во второй половине 1930-х гг. консультантов зачисляли все реже, а штатное расписание 1941 г. предусматривало вообще только одну такую ставку. За счет спецсредств Библиотека привлекала большой круг лиц, в том числе известных специалистов, для выполнения конкретных заданий на основе договора. Нередко договорная система использовалась в качестве своеобразного испытательного стажа — для проверки профессиональной пригодности работника; при благоприятном заключении он зачислялся в штат. К концу 1930-х гг. число работающих по договору стало уменьшаться, а согласно приказу директора от 16 декабря 1938 г. «все работы по договорам во всех отделах и филиалах» прекращались, но одновременно до 50—60 % «договорников» зачислялись в штат¹²¹. (В единичных случаях договоры продолжали заключаться и в 1939 г.)

1 августа 1944 г. в соответствии с постановлением правительства в Библиотеке введена новая номенклатура должностей: заведующий отделом, главный библиотекарь, старший редактор, редактор-специалист, старший библиотекарь и старший библиограф, библиотекарь, библиограф, помощник

библиотекаря¹²²; она в основе своей действовала до 1990-х гг.

В 1934 г. в стране были восстановлены ученые степени и звания. Решения о присуждении ученых степеней (без защиты диссертаций) и ученых званий находились в компетенции Наркомпроса. По обращению Библиотеки в начале 1936 г. 14 сотрудникам, имевшим заслуги в научной деятельности, было присвоено звание старших научных сотрудников, что же касается ученых степеней кандидата наук, то ходатайства о них были оставлены Наркомпросом без последствий. По этому вопросу предложено было обращаться в соответствующие вузы (в итоге ученые степени были присуждены некоторым сотрудникам).

Рост масштабов деятельности Библиотеки, развертывание новых направлений работы постоянно сталкивались с ограниченностью числа сотрудников, что констатировалось не только администрацией Библиотеки, но и различными комиссиями, проверявшими ее. Так, в отчете Библиотеки за 1931 г. отмечалось, что крайняя недостаточность штатов тормозит «должное развитие работы» и что Публичная библиотека находится в этом отношении в «несравненно худших условиях» по сравнению с ГБЛ, располагающей на 100 единиц бóльшим штатом, чем ГПБ, и имевшей более разветвленную и сложную структуру (наличие филиалов, разбросанность помещений по территории города и т. д.)¹²³. Комиссия РКИ, в состав которой входили акад. И. И. Мещанинов, проф. А. И. Малеин и Н. П. Тихонов и др., в 1934 г. пришла к таким же выводам: «положение со штатами не вполне удовлетворительно», «совершенно ничтожны штаты рукописного отделения, а некоторые подразделения располагают всего одной штатной единицей, в результате чего многие тысячи книг остаются необработанными»¹²⁴.

Известную роль в штатном обеспечении деятельности Библиотеки сыграли спецсредства, получаемые за счет выполнения различных платных работ. На 1 января 1938 г. за их счет содержались 93 штатные единицы, в том числе 43 — из библиотечного персонала, но уже на 1 января 1939 г. — только 46 единиц, из них лишь 8 библиотечных. Тем не менее, несмотря на жесткую

линию финансовых органов в области бюджетных ассигнований, штат Библиотеки постепенно рос. Так, на 1 января 1931 г. библиотечный и библиотечно-технический персонал насчитывал 217 штатных единиц, к началу 1936 г.— 386, а к ноябрю 1940 г.— 646. При этом важно отметить увеличение в штате числа наиболее квалифицированных категорий сотрудников: за 4 года (с 1937 г. по 1940 г.) численность главных библиотекарей изменилась с 87 до 129 человек. Наиболее быстрый рост в предвоенные годы касался функциональных отделов. С 1931 г. по 1941 г. штаты Отдела фондов и обслуживания увеличились с 77 до 241 единицы, Отдела обработки — с 72 до 123, Справочно-библиографического отдела — с 18 до 51, Отдела комплектования — с 9 до 43. Война привела к резкому сокращению штата; лишь с 1943 г. он постепенно увеличивался и на 1 августа 1943 г. составил 273 штатных единицы по библиотечным отделам.

В 1930-е гг. время от времени штатные сокращения производились в соответствии с решениями вышестоящих органов, но они сколько-нибудь существенно на масштабе работ не сказывались. Значительным было лишь сокращение 1940 г., вызванное принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР о переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю. Согласно подсчетам дирекции, эта мера увеличила общий баланс рабочего времени на 25 процентов, что предполагалось первоначально использовать на осуществление многих до того не выполнявшихся, но необходимых работ. Однако последовавший приказ Наркомпроса перечеркнул эти планы. В нем содержалось предписание сократить штаты одновременно с указанием на то, что «годовые плановые задания на 1940 год остаются в силе и должны быть полностью выполнены»¹²⁵. В сентябре 1940 г. были сокращены 76 сотрудников, при этом 60 — из числа библиотечно-технического персонала.

Происходившие в стране социально-экономические и политические преобразования существенно сказались в социальном составе сотрудников. Постоянно увеличивалась рабоче-крестьянская прослойка, в 1934 г. почти половину сотрудников составляли выходцы из крестьян и рабочих; namного

уменьшилось представительство дворян, купцов, духовенства. С изменением социального состава росла численность коммунистов и комсомольцев. В 1932 г. среди руководящих и библиотечных работников было 12 членов партии и 18 комсомольцев, а к началу войны в парторганизации было 49 членов и кандидатов партии, численность комсомольцев достигла 79 человек. Из года в год возрастала доля женщин: если в 1934 г. они составляли менее 70 %, то уже к концу 1938 г.— около 80 % общего числа работников; при этом все больше женщин выдвигалось на руководящие посты (наивысший уровень достигнут в годы войны).

Рост штата главных библиотекарей и библиотекарей 1-го разряда привлек в Библиотеку новых работников с высшим образованием. Но в целом в 1930-е гг. возрастала преимущественно доля лиц со средним и незаконченным средним образованием, как и лиц, вовсе не имевших библиотечного стажа или обладавших незначительным опытом библиотечной работы. В 1934 г. более 40 % библиотекарей имели стаж библиотечной работы менее 5 лет, в дальнейшем эта тенденция сохранилась и даже усилилась; из вновь принятых в 1944 г. в Библиотеку 115 библиотечных работников 45 человек ранее библиотечной работой не занимались. Назначений на руководящую работу выдвиженцев с производства в 1930-е гг. не было. В 1931 г. предпринимались попытки направления так называемых «социалистических заместителей» из числа специалистов других организаций (в главный читальный зал, в III филиал), но никаких серьезных последствий для Библиотеки это не имело.

Характеризуя наиболее болезненные для Библиотеки проблемы, связанные со штатным расписанием (недостаточность числа библиотечных работников, недокомплект штата, слабый приток квалифицированных кадров и пр.), на первое место следует поставить текучесть кадров. Так, за девять месяцев 1932 г. уволилось из Библиотеки 143 работника. На 1 января 1936 г. числилось 25 вакансий, а на 1 января 1937 г.— 73. За 1939 г. в Библиотеку приняты 640 новых работников, уволились 540. Особенно характерны текучесть личного состава и недокомплект штата были для категорий

библиотекарей 2-го разряда и помощников библиотекарей. Текучесть кадров порождалась многими причинами: низкой заработной платой; быстрорастущей сетью библиотек, во многих из которых были лучшие условия труда и более высокая оплата; почти полным отсутствием в городе учебных заведений, готовящих библиотекарей, и т. д. Библиотеке приходилось поэтому, как говорилось в отчете за 1940 г., мириться с привлечением к работе лиц, «мало или совсем к ней не подготовленных»¹²⁶, и принимать меры к развертыванию собственной курсовой сети подготовки библиотекарей и повышения их квалификации.

Высшие курсы библиотековедения (ВКБ) при Библиотеке, считавшиеся в профессиональной среде высшим учебным заведением, но так и не получившие этого статуса, подготовили большой отряд квалифицированных специалистов как для самой ГПБ, так и для других научных библиотек города. Однако неопределенность правового статуса, слабость материальной базы, платность обучения, отсутствие стипендий и т. п. неблагоприятно сказывались на работе Курсов и составе слушателей. В 1930 г. Библиотека возбудила ходатайство о преобразовании Курсов в высшее учебное заведение. В связи с продолжавшимся обсуждением этого вопроса прием слушателей был отсрочен, а общее число их сократилось со 120 до 45 человек. С января 1932 г. прием (со сроком обучения 2,5 года) возобновился; одновременно были учреждены годовые курсы профессиональной и политической переподготовки библиотекарей, но в целом эффективность работы ВКБ продолжала падать. В 1931 г. их окончили 52 человека, в 1932 г.— 36, в 1934 г.— 19, в 1935 г.— 14, в 1936 г.— 9 и т. д., притом что все меньшее количество выпускников оставалось работать в Библиотеке (например, в 1938 г. из 20 окончивших остались только двое). Выход по-прежнему виделся в преобразовании Курсов в вуз; идея была поддержана комиссией Смольнинского райкома партии, проверявшей в 1938 г. работу Библиотеки. После открытия Московского государственного библиотечного института (МГБИ) обсуждалась возможность превращения Курсов в филиал этого института. В 1938 г. в Библиотеке был организован

консультационный пункт МГБИ, где занимались 34 студента — сотрудника ГПБ (22 в 1939 г. сдавали зачетную сессию). Дирекция обратилась к сотрудникам с призывом и в 1939/40 учебном году включиться в учебу на заочном отделении и в экстернате МГБИ. Однако этот путь получения высшего библиотечного образования работниками Библиотеки не имел развития, т. к. в 1941 г. открылся Ленинградский государственный библиотечный институт (ЛГБИ)¹²⁷.

Одновременно с попытками реорганизации ВКБ продолжались поиски более быстрого и эффективного решения проблемы подготовки кадров. Выход был найден в организации на ВКБ различных краткосрочных курсов для сотрудников Библиотеки. К 1938 г. сложилась более или менее устойчивая их сеть, включавшая десятимесячные, четырехмесячные и месячные курсы, а также семинары для углубленного изучения отдельных областей библиотечной работы (по русской и иностранной библиографии; по реальным каталогам; по алфавитной каталогизации; славянской палеографии; гравюроведению; по изучению русской скорописи и др.). Во время войны курсовая сеть была свернута. В начале 1944 г. были возобновлены курсы общебиблиотечной подготовки для вновь принятых работников, а в октябре открылись трехмесячные курсы, повторенные и в 1945 г.

В 1935 г. при Библиотеке организована аспирантура; к 1940 г. первые ее выпускники защитили диссертации (в 1939 г.— Г. Г. Фирсов, Б. Ю. Эйдельман, а в 1940 г.— Е. Э. Гранстрем). Война прервала занятия, но уже в 1944 г. был произведен прием 7 новых аспирантов, и к концу года общее количество их вместе с восстановленными прежними соискателями составило 18 человек. Аспирантура Библиотеки сыграла решающую роль в подготовке руководящих работников и ведущих научных сотрудников; часть из них впоследствии стала докторами наук, профессорами и доцентами ЛГИК.

Права и обязанности работников Библиотеки определялись Кодексом законов о труде, постановлениями правительства, нормативными актами Наркомпроса и других центральных ведомств. При этом возможности дирекции

Библиотеки влиять на общие условия труда (размер заработной платы, продолжительность рабочего дня, отпусков и т. д.) были ограничены.

В отчетах Библиотеки, в заключениях различных проверяющих ее комиссий постоянно констатировалось, что одним из самых отрицательных факторов является низкая оплата труда, порождавшая текучесть личного состава, совместительство, невозможность привлечения квалифицированных работников. В 1936 г. тогдашний новый директор ГПБ А. Х. Вольпер отмечал: «Нищенские оклады научных и научно-технических работников Библиотеки <...> при условии, когда в аналогичных учреждениях Ленинграда (библиотека НКТП) и в Москве (Библиотека им. Ленина) зарплата от 100 до 250 % выше, чем в ГПБ, способствуют деморализации наиболее квалифицированных работников, бегству их из Библиотеки, совместительству и халтуре»¹²⁸. К тем же выводам пришла и комиссия РКИ: оклады сотрудников ГПБ значительно ниже окладов, установленных в учреждениях Наркомпроса (Эрмитаж, Ленинская библиотека), и «значительно ниже окладов, установленных в других однотипных библиотеках (БАН, ЛГУ и др.), не говоря уже о библиотеках других ведомств (НКТП, НКИС и др.)»¹²⁹.

Администрация Библиотеки связывала определенные надежды на повышение оплаты труда с хозрасчетом. Получив разрешение на введение различных форм сдельной оплаты труда, Библиотека с конца 1931 г. начала переводить на хозрасчет не только производственно-технические отделы, но и некоторые группы сугубо библиотечных отделов (группа новых поступлений русской книги, группа печатной карточки, периодических изданий, предметизации, рекаталогизации и др.). При введении внутреннего хозрасчета отдельным подразделениям определялся фонд заработной платы и плановые задания, и при экономии этого фонда часть его направлялась на доплаты сотрудникам в соответствии с результатами их работы. Переход на новые системы оплаты потребовал регламентировать нормы выработки, чем и занималась администрация Библиотеки в течение ряда лет. В мае 1931 г. всем заведующим отделами было предложено «в срочном порядке» представить

нормы выработки по всем основным видам работ¹³⁰. Нормы эти были несовершенны, основывались на самонаблюдении, отличались пестротой, отсутствием технических обоснований и т. д. В дальнейшем они постоянно корректировались в сторону увеличения, к примеру, на заседании дирекции в сентябре 1934 г. предлагалось их пересмотреть «с тенденцией некоторого повышения по нормам выработки лучших ударников»¹³¹. Совершенствование норм выработки продолжалось и в последующие годы, но главным образом они учитывались при составлении сметы и штатного расписания, в деле же регулирования размеров оплаты труда полностью утратили свою роль в связи с тем, что в 1936 г. Наркомпрос потребовал от подведомственных ему учреждений строгого соблюдения штатно-окладной системы, утверждаемой Наркомпросом. Не разрешались никакие доплаты к окладам. Запрет распространялся и на договорные работы, выполнявшиеся штатными сотрудниками дополнительно и оплачиваемые за счет спецсредств. Циркуляр Наркомпроса от апреля 1936 г. гласил: «какая бы то ни было доплата работникам к их основной заработной плате из другого источника категорически запрещается»; лишь в «особо исключительных и единичных случаях» доплата может быть разрешена непосредственно Наркомпросом, «но только при условии предоставления самых подробных обоснований»¹³².

В соответствии с общим законодательством продолжительность рабочего дня библиотекарей составляла в начале 1930-х гг. 6 часов. На основании коллективного договора в эту норму дирекцией вносились некоторые изменения. Так, для многих сотрудников, которые участвовали в научной, библиографической и методической работе, 6-часовой рабочий день делился на 2 части: 4 часа работы непосредственно в Библиотеке и 2 часа — на дому. Согласно коллективному договору на 1931 г. этим правом пользовались все главные библиотекари и библиотекари 1-го и 2-го разрядов и несколько помощников библиотекаря, в той или иной мере участвовавших в работах научно-библиографического характера¹³³. Продолжительность рабочего дня сотрудников читального зала, исключительно занятых выдачей литературы,

устанавливалась в 5 часов¹³⁴. Такой подход подтверждался и коллективным договором на 1932 г., но с одной поправкой: продолжительность работы непосредственно в Библиотеке для лиц, занимающихся научно-библиографической работой, определялась в 5 часов. Впоследствии этот порядок ужесточался, часы работы на дому определялись уже не должностными категориями, а устанавливались персонально приказом директора. Некоторые льготы были предусмотрены для сотрудников, обучающихся на ВКБ и подписавших обязательство о самозакреплении на службе в Библиотеке в течение 3 лет по окончании курсов (они пользовались сокращенным рабочим днем).

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю с 7 июля для всех без исключения сотрудников введен 8-часовой рабочий день.

Продолжительность отпусков регламентировалась коллективным договором на основе постановлений Наркомтруда. По коллективному договору на 1931 г. 2-месячным отпуском пользовались директор, его заместители, ученые секретари Библиотеки и ВКБ, главные библиотекари, а также библиотекари 1-го и 2-го разрядов, определявшиеся персонально, чья работа носила научно-исследовательский или научно-библиографический характер¹³⁵. Этот порядок действовал и в последующие годы с частичными изменениями (библиотекарям 1-го разряда отпуск устанавливался в 36 рабочих дней и т. д.). В 1938 г. была введена единая продолжительность отпуска — 24 рабочих дня. В годы войны предоставление отпусков прекратилось и возобновилось в июле 1945 г.

¹ В основе данной публикации — фрагменты предисловий, написанных к трем томам одноименного библиографического словаря — первого подобного издания в библиотечной отрасли, ставшего прообразом появившихся затем библиографических справочников и по другим библиотекам. В публикации сделаны небольшие пропуски, не касающиеся содержательных аспектов работы.

² Полное собрание законов Российской империи [Собр. 1-е]. Т. 31. 1810—1811 гг. № 24377.

Далее: ПСЗ.

³ Там же. Т. 32. 1813—1815 гг. № 25069.

⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 21, 26, 31.

⁵ ПСЗ. [Собр. 6-е]. Т. 6. 1831. № 4794. В эти годы, вплоть до 1917 г., штат представлял собой документ, соединяющий штатное расписание (в нынешнем понимании) с расчетом денежного содержания, указанием классного чина, присвоенного каждой должности, и т.п. и расходную часть бюджета учреждения.

⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1843. Ед. хр. 28. Л. 28—28 об.

⁷ Там же. 1850. Ед. хр. 34. Л. 16.

⁸ Там же. Ед. хр. 36. Л. 8.

⁹ ПСЗ. [Собр. 2-е]. Т. 45. 1870. № 48345.

¹⁰ Там же. Т. 49. 1874. № 53576.

¹¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Ед. хр. 8. Л. 8.

¹² Там же. 1849. Ед. хр. 30. Л. 30.

¹³ Там же. 1843. Ед. хр. 28. Л. 20.

¹⁴ Там же. Л. 21.

¹⁵ Проекты устава и штата Имп. Публичной библиотеки / М-во нар. просвещения. СПб., 1866. С. 70—72.

¹⁶ Об изменении устава и штата Российской Публичной библиотеки / М-во нар. просвещения. Пг., 1917. С. 30.

¹⁷ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1821. Ед. хр. 10. Л. 1—2.

¹⁸ Там же. 1843. Ед. хр. 28. Л. 8.

¹⁹ ПСЗ. [Собр. 2-е], т. 25. 1850. № 23930.

²⁰ Об изменении устава и штата... С. 4.

²¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1870. Ед. хр. 36.

²² Там же. 1850. Ед. хр. 24. Л. 1.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Там же. 1862. Ед. хр. 22. Л. 534.

²⁵ Там же. 1894. Ед. хр. 8. Л. 15—16.

²⁶ Там же. 1901. Ед. хр. 34^a. Л. 41.

²⁷ Об изменении устава и штата ... С. 19.

²⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1817. Ед. хр. 8. Л. 63.

²⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. 1843. Ед. хр. 28. Л. 8; 1847. Ед. хр. 7. Л. 1.

³⁰ Там же. 1850. Ед. хр. 9. Л. 16 в.

³¹ Там же. 1858. Ед. хр. 23. Л. 8 об.

³² ОАД РНБ. Ф. 1, оп. 1, 1854, № 49. Л. 1.

³³ Должность упразднена в 1924 г.

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 8—14, 17, 18, 21, 24, 52, 53 об.

³⁵ Там же. Ед. хр. 1. Л. 5.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 399.

³⁷ Первые совещания по библиотечному делу (июль 1918 г.— январь— февраль 1919 г.): Док. и материалы. М., 1993. С. 19.

³⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

³⁹ Там же. Там же. Л. 8.

⁴⁰ Первые совещания по библиотечному делу... С. 21.

⁴¹ Об этом подробнее см.: История библиотечного дела в СССР: Док. и материалы, 1920—1929. М., 1979. С. 160 — 161; Голубева О. Д. Н. Я. Марр и Публичная библиотека. Тбилиси, 1986. С. 21—24.

⁴² ОР РНБ. Ф. 44, д. 24. Л. 86.

⁴³ Собр. узаконений и распоряжений... 1929. № 26а. Ст. 663. Далее: СУ

⁴⁴ Там же.

- ⁴⁵ Цит. по: Голубева О. Д. Указ. соч. С. 99.
- ⁴⁶ История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 431.
- ⁴⁷ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 14. Ед. хр. 15. Л. 3.
- ⁴⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. 1. Л. 12.
- ⁴⁹ ОАД РНБ. Ф. 10/4, Протоколы заседаний Правления. 25/IX — 31/XII 1925 г. Л. 4.
- ⁵⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 2а. Ед. 1/9. Л. 1.
- ⁵¹ ОАД РНБ. Ф. 10/4. Ед. 24. Л. 39.
- ⁵² ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 1, д. 555. Л. 50—51.
- ⁵³ Сев. коммуна. 1918. 25 дек.
- ⁵⁴ ОАД РНБ Ф. 10/4. Ед. 38. Л. 28.
- ⁵⁵ Голубева О. Д. М. Горький и Публичная библиотека // Тр. / ГПБ. 1964. Т. 12 (15). С. 67—69; Маркетти В. А. 4-е отделение Государственной Публичной б-ки // Библ. обозрение. 1927. Кн. 1/2. С. 158—160.
- ⁵⁶ ОАД РНБ. Ф. 10/4. Ед. хр. 50. Л. 105.
- ⁵⁷ СУ. 1929. № 26а. Ст. 663.
- ⁵⁸ Браудо А. И. Первые шаги на пути объединения деятельности русских библиотек // Библ. обозрение. 1919. Кн. 1. С. 37.
- ⁵⁹ Первые совещания по библиотечному делу... С. 132.
- ⁶⁰ ОАД РНБ. Ф. 10/4. Протоколы заседаний Правления. 1928. Л. 32—33.
- ⁶¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. 555. Л. 22.
- ⁶² ОАД РНБ. Оп. 14. Ед. хр. 15. Л. 95, 99.
- ⁶³ Библ. обозрение. 1926. Кн. 1/2. С. 140—141.
- ⁶⁴ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 9. Ед. хр. 14. Л. 4.
- ⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 44, д. 24. Л. 143.
- ⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 44, д. 24. Л. 105, 198.
- ⁶⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. 1. Л. 8.
- ⁶⁸ Там же. Л. 12.
- ⁶⁹ Там же. Л. 12 — 13.
- ⁷⁰ ОАД РНБ. Ф. 10/4, д. 62. Л. 69.
- ⁷¹ ОР РНБ. Ф. 44. Ед. хр. 24. Л. 1.
- ⁷² ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 12. Ед. хр. 7. Л. 43.
- ⁷³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. 555. Л. 70 об.—71.
- ⁷⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 555. Л. 1, 5.
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 44. Ед. хр. 24. Л. 12.
- ⁷⁶ Там же. Л. 7.
- ⁷⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 687. Л. 1.
- ⁷⁸ Там же. Ед. хр. 755. Л. 126—127.
- ⁷⁹ Там же. Ед. хр. 812. Л. 39.
- ⁸⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 894. Л. 17.
- ⁸¹ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-1335. Л. 2.
- ⁸² ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 894. Л. 17.
- ⁸³ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 15/1. Ед. хр. 4. Л. 65.
- ⁸⁴ Вольпер А. По указаниям Ленина // Крас. б-рь. 1941. № 1. С. 17.
- ⁸⁵ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 16/1. Ед. хр. 28. Л. 7.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 22/1. Ед. хр. 29. Л. 62.
- ⁸⁷ Там же. Л. 243.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 24/1. Ед. хр. 29. Л. 338.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 12. Т-1335. Л. 2.
- ⁹⁰ Берггольц О. Ф. Собр. соч.: В 3 т. Л., 1973. Т. 2. С. 183.

- ⁹¹ См.: Машкова М. В. Роль ГПБ в спасении книг в годы войны (ОАД РНБ. Ф. 12. Т-1468. 10 л.).
- ⁹² ОАД РНБ. Ф. 12. Т-1233. Л. 24.
- ⁹³ СУ. 1932. № 40. Ст. 178.
- ⁹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 900. Л. 101.
- ⁹⁵ СУ. 1929. № 26а. Ст. 663.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 693. Л. 359.
- ⁹⁸ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-568. Л. 21.
- ⁹⁹ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-2018. 10 л.
- ¹⁰⁰ Библиотечное дело в России в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 — май 1945). М., 2000. С. 158.
- ¹⁰¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. 895. 40 л.
- ¹⁰² ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 23/1. Ед. хр. 43. Л. 33.
- ¹⁰³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 3. Ед. хр. 550. Л. 1, 4-5.
- ¹⁰⁴ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 23/1. Ед. хр. 43. Л. 146.
- ¹⁰⁵ Там же. Оп. 20/1. Ед. хр. 39. Л. 4.
- ¹⁰⁶ Там же. Оп. 21/1. Ед. хр. 26. Л. 270.
- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 20/1. Ед. хр. 39. Л. 113.
- ¹⁰⁸ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-846. Л. 1.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 19/1. Ед. хр. 37. Л. 198.
- ¹¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 809. Л. 1.
- ¹¹¹ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 20/1. Ед. хр. 39. Л. 4.
- ¹¹² Там же. Оп. 22/1. Ед. хр. 29. Л. 56.
- ¹¹³ Там же. Ф. 12. Т-991. Л. 1—3.
- ¹¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 781. Л. 2.
- ¹¹⁵ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 2. Оп. 26/1. Ед. хр. 27. Л. 38.
- ¹¹⁶ Там же. Оп. 24/1. Ед. хр. 29. Л. 92.
- ¹¹⁷ Там же. Оп. 20/1. Ед. хр. 39. Л. 29.
- ¹¹⁸ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-997. Л. 41.
- ¹¹⁹ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-50. Л. 7.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 24/1. Ед. хр. 29. Л. 182.
- ¹²¹ Там же. Оп. 22/1. Ед. хр. 29. Л. 247.
- ¹²² Там же. Оп. 28/1. Ед. хр. 8. Л. 113—119.
- ¹²³ Там же. Ф. 12. Т-568. Л. 18—19.
- ¹²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 4.
- ¹²⁵ ОАД РНБ. Оп. 24/1. Ед. хр. 29. Л. 205.
- ¹²⁶ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-1935а. Л. 82—83.
- ¹²⁷ Оленева З. П. Развитие и современное состояние высшего библиотечного образования в СССР, 1917—1962 гг.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГПИ. Л., 1964. С. 9.
- ¹²⁸ ОАД РНБ. Ф. 12. Т-1335. Л. 1—2.
- ¹²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 894. Л. 4.
- ¹³⁰ ОАД РНБ. Пр. и расп. 1931. Л. 55.
- ¹³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 888. Л. 14.
- ¹³² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 6.
- ¹³³ ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 15/1. Ед. хр. 4. Л. 29.
- ¹³⁴ Там же. Оп. 16/1. Ед. хр. 28. Л. 46.
- ¹³⁵ Там же. Оп. 15/1. Ед. хр. 4. Л. 30.